

ВЛАДИМИР СТРЕЛЬНИКОВ

ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЕЦ

Владимир Стрельников

Ссылнопоселенец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68456146

SelfPub; 2022

Аннотация

Жизнь... она порой бьет ключом. Да не простым гаечным, а от труб охлаждения реактора корвета. Да еще прямо по макушке. Сегодня ты капрал-абордажник, командир отделения досмотра и абордажа, с неплохими для капрала без особых связей возможностями карьерного роста. Есть служба, которая нравится, есть девушка, которую любишь. И даже финансовое положение вполне себе неплохое. А завтра ты приговоренный к пожизненной ссылке поселенец на дикой планете. Один среди многих, чужой среди чужих. И только старое ружье, пара ножей и рюкзак со шмотьем твое. Ну и приبلудившийся щенок-калека. И что? И ничего. Ты привык к бою на борту космического корабля? Тебя к этому отлично подготовили? Тебе вбили, что впереди все рыдает, а сзади все горит? Но ведь главное не то, кто больше стреляет, а то, кто первый точно попал. А стрелять ты умеешь. И даже думать умеешь, иногда. Так вперед, капрал, впереди огромный мир. Впереди неизведанные горы, новые друзья и новые враги. Да и кто сказал, что не будет новой любви?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

91

Владимир Стрельников

Ссылнопоселенец

*Солнечная система. Луна. Форт Доусон,
казармы морских пехотинцев.*

2256 год. 18 февраля, понедельник. 04:30 по Гринвичу

– Лар, просыпайся. – Я укусил за ухо красивую, коротко стриженную шатенку. – Скоро подъем. Тоша, утренний свет.

И мой собственный домашний искин зажег плазменную панель на стене. Ну люблю я уют, что поделать. Унылые штатные стены каюты – верный путь к депрессии, правда, для гражданского. Мы-то, морпехи, народ покрепче, но все равно мне казенных серых стен и на корабле хватает. Там все эти гражданские навороты напрочь запрещены. А сейчас просто праздник какой-то. Легонько дунул морской ветер с легким запахом йода, водорослей и тропических цветов. Черные скалы и черный песок гавайского пляжа, белую пену на песке осветили первые лучи солнца. Красотища, блин, жаль только, до отпуска еще полгода.

Вообще, можно с искином и через нейросеть общаться, коннектор я уже надел, но нет желания. Хватит того, что несколько минут разбирал пришедшую почту и читал утренние газеты. Впрочем, хочу я того или нет, но мой искин отправляет мне данные о радиационной и метеоритной обстановке на поверхности Луны, солнечной активности, сбоях

и авариях во внутренних помещениях порта, и самое главное, всю информацию о моем отделении и всю обязательную для меня информацию о нашем сторожевике, корвете «Осмотрительный», пришедшую на мой адрес, пока меня не было в сети. Чином я не очень вышел, чтобы планы командования знать, но о своем заведовании должен знать от и до. Но при этом я совсем не обязан быть в войсковой сети в законный выходной, а во время секса снять коннектор сам бог велит, а то выплывет запись самого интересного в сети. Есть шутнички в Космофлоте. Плюс еще состояние личного счета, курс доставшегося в наследство от троюродного деда крохотного пакета акций «Газпрома» и пару раз в день данные с приборов своего древнего коллеги из моего дома в Нукусе. Дом старый, получил в наследство все от того же троюродного деда, ИИ там фактически старый древний компьютер. Программа древняя, медленная, но менять не хочу. Работает, и ладно: если нужно, Тоша и отсюда что нужно сделает, если уж Старик не справится. А ровно в семь часов на коннектор придут обновленные данные из нашего батальона и с борта «Осмотрительного». Все, служба начнется, хочу я или нет, но придется работать с нейросетью. Не люблю, правда, работать с сетью не в боевом режиме. Все эти графики, схемы, таблицы, которые всплывают в периферийном зрении и постоянно меняются, зудение голоса в ухе. Предпочитаю работу с голомониторами, хоть и устарели окончательно они уже года три как тому назад. Но я во-

обще ретроград, если честно.

– Мр-р-р. Обломист, мы же только заснули! Как вы в пехтуре умеете обходиться двумя часами сна? – Лара почти проснулась, приподнялась на обычно очень узкой для двоих кровати и, закинув сильные и красивые руки за голову, потянулась. Легкая простыня слетела с ее великолепного тела, и две высокие груди вызывающе уставились в зарешеченные плафоны светильников. На запястье правой руке сверкнул золотом разъем коннектора.

– Лар, не надо меня провоцировать, я живой и очень ранимый!

Ну да, я живой морпех. И вид прекрасной обнаженной девушки напрочь забивает мозг гормонами и мешает спокойно думать. Именно потому я постоянно бужу свою девушку за два с половиной часа до общего подъема. Впрочем, есть еще одна причина. Лара Саймон – штурман-лейтенант нашего ЗКП, то есть запасного командного поста форта Доусон, а я – всего лишь капрал, командир отделения морпехов-десантников. Тупой гоблин-штурмовик с подготовкой пилота малоразмерных судов и еще десятком необходимых современному пехотинцу воинских специальностей. Но не офицер: для того чтобы получить звездочки на погоны, нужно не только серое вещество мозга, но и серьезные деньги и протекция. Просто так в тот же Вест-Пойнт или в Рязанское десантное не поступишь, конкуренция на старой Земле дикая. Офицерские звездочки – это совсем не обязательно тяжелая

служба, это, скорее всего, мягкое кресло и непыльная рабочая на матушке-Земле. А потому не стоит офицеру светиться, выходя прилюдно из каюты капрала. Тем более капралу совсем нечего делать в офицерской каюте. Ни к чему подводить любимую девушку. Хотя начальство и знает, но все одно, традиции есть традиции. Ладно хоть комбез у нее гражданский сейчас, по полной форме она никогда в моей каюте не останется.

– Ты порой несносен, Матвей! И почему я с тобой связалась? – Простыня вообще улетела на пол, и на прохладный бетонопластик опустились две изящные ступни. Соответственно ступни эти принадлежали двум вообще сногшибательным ногам, хозяйкой которых являлась взбалмошная, но очень красивая умница, спортсменка и просто комсомолка (знать бы еще, кто это такая), штурман-лейтенант Лара Саймон. – И вообще ты тупой мужлан, только и можешь, что крушить кулаками броневые листы и отстреливать мухам их детородные органы! Правда, любовник ты неплохой. – И девушка чмокнула меня в губы, перед тем как уйти в душ.

– Знаю, знаю! И танцую я плохо! Зато, может, я отец хороший! Давай попробуем узнать?

Я рукой прижал проснувшийся орган, наблюдая за вышедшей из крохотного душа и одевающейся девушкой. Та вроде как мгновенно, но очень пластично, с большой грацией надела легкий общий комбез, одним движением впрыгнула в высокие ботинки, автоматически застегнувшиеся на ее ик-

рах. Сняла со спинки стула ремень с тяжелым импульсником в поясной кобуре. Не знаю, что она нашла в такой серьезной штуковине? Я, например, при повседневке предпочитаю простой бластер. Легкий как перышко, ремня не оттягивает и как раз соответствует минимальной мощности для личного оружия, рекомендованного для повседневной носки. Вообще здесь, под куполом порта, среди своих, личного оружия не требуется – была бы моя воля, вообще не надевал. С парнями разобраться и в спортзале, на ринге можно. А Лара, наоборот, выбрала наиболее мощный экземпляр. Нет, я не спорю, FNXX-50 – обалденная штука, мощная и точная, и на работу, точнее – на штурмовку, я сам беру пару таких, помимо любимого «ковровца». Но носить по коридорам лунной базы такую гирию изящной девушке – уму непостижимо. Тем временем Лара взяла с узкого стола сейчас прямую пластину своего коннектора и аккуратно совместила разъем с контактором. Щелкнув, браслет ожил и обхватил руку девушки. Коротко пробежались по нему разноцветные огоньки, Лара на пару секунд зажмурилась. Ну да, активация имплантов и нейросети до сих пор не самое приятное ощущение. Но без нее в космосе сейчас делать нечего, даже на гражданские должности не возьмут, уж про армейские и флотские говорить нечего. Впрочем, девушка уже пришла в себя, встряхнула головой и на несколько секунд замерла, прислушиваясь, а точнее, просматривая файлы, всплывшие сейчас в периферийном зрении. Потом подошла к зеркалу, нацепи-

ла на ушки сережки-клипсы, блеснувшие искрами небольших, но не синтезированных, а настоящих якутских бриллиантов. Я подарил, между прочим, на прошедший недавно Новый год, то есть на католическое Рождество. Дороговато, правда, для капрала, пусть и на должности сержанта, но для такой девушки не жалко.

Кстати, про должность. Если я не напорю косяков, то и звание повысят в течение полугода. А сержант Корпуса – это почетно! Не зря десяток лет отдал, совсем не зря.

– Проводишь? – сдвинув зеркало, повернулась ко мне Лара.

– Обязательно, – кивнул я, приглаживая влажный ежик коротко остриженных волос.

Впрыгнул в ботинки и открыл дверь каюты, пропуская девушку вперед, в коридор нашего отсека.

Слегка цокая электромагнитными подковами по полированному полу, мы неторопливо направились в сторону офицерского сектора. За дверью каюты искусственная гравитация заканчивалась, и начиналась обычная лунная, одна шестая. Экономия, которая порой шокировала гражданских спецов, но к которой мы давным-давно привыкли. Во время отбоя народу по отсекам в рабочие дни шарается немного, и всех далеко слышать. Вот и цокот патруля мы услышали еще до поворота. Здоровенный темнокожий сержант из военной полиции и двое рядовых вежливо остановили нас и попросили представиться. После чего, считав сканером инфор-

мацию с коннектора, отдали честь Ларе и, попрощавшись, двинулись дальше по коридору. Выпивших ловят – обычная процедура в понедельник утром.

– Так, дальше я сама.

Лара вытащила из поясной сумочки крохотное зеркальце, оглядела себя в нем и, чмокнув меня в щеку, пошла к охраняемой дежурный двери. И после процедуры опознания исчезла за нею. Вообще, все эти шпионские игрища уже давным-давно просто шаманские танцы. Обычаи лунной базы, фактически первой военной базы человечества за пределами Земли. Некоторым отсекам уже по двести с лишним лет, в них сейчас заходят только по спецдопускам археологи и особисты. Впрочем, обычные солдаты тоже в них бывают, я еще рядовым участвовал в демонтаже древнего оборудования на одном из нижних ярусов. Плафон, который висит в моей каюте, – оттуда. Светодиодные лампы уже пару веков как не производятся, но этой еще годов двадцать работать до окончания ресурса (на складе в подсобке нашел).

Но пора и самому к службе готовиться, скоро подъем, начало будней...

– Учебная тревога, корабль к бою и походу приготовить! – Древняя как мир команда разнеслась по корвету, заставив тех, кому она предназначалась, разбежаться по боевым постам.

Все, понеслось.

– Здравия желаю, главный старшина. – Я приветствовал старого киборга, главного корабельного старшину Васильевича.

Лет тридцать назад он получил около шестидесяти процентов повреждений тела в одной крутой разборке с пиратами и был смонтирован в Центральном военном госпитале Марса. Службу не бросил, наоборот, фактически перебрался на постоянку сюда, на лунную базу. И стал одним из тех, кто принимал наш корвет пятнадцать лет назад. И так на нем и остался, его вполне устраивает и служба, и должность командира Четвертой кормовой казематной установки. Ну а мы, наше отделение, по штатному расписанию сидим здесь, в пультовой установке, и громко не кашляем. Морпехам особо на корабле делать нечего, разве в отражении абордажа поучаствовать или как аварийная команда. Первое здесь, в Солнечной системе, – ну очень маловероятно, но и первое, и второе периодически отрабатываем на учениях.

– Тебе тоже не кашлять, капрал, – добродушно пробасил из внешнего динамика киборг. – Тебя боцман просил подойти к нему на шлюпочную палубу.

– Спасибо, подойду, – кивнул я, устраиваясь в своем ложементе.

С боцманом, тоже главным корабельным старшиной Йенсоном, нас обоих связывало небольшое увлечение. Хобби, так сказать: оба любим старые-престарые вестерны. Желая

тельно снятые в двадцатом веке. А передавать такие фильмы по сети – значит попасться на крючок отделу по защите интеллектуальной собственности, мать его. Вот и пишем на флешки фильмы и передаем из рук в руки. Благо домашний искин никого в сеть не пустит.

– Не знаешь, главный, на сколь выходим?

– Вроде как туда-сюда, до орбиты Плутона прошмыгнем и вернемся, обычная рутина. – Васильич гонял по экрану настройки орудий. Тоже тот еще ретроград. – Чтобы лишка салом не заплыли.

– Легкая пробежка – это неплохо. Так, дежурства по отделению в обычном порядке. Рядовой Зейман, первый. Остальным отбой. – И я сам устроился поудобнее и задремал.

Не, ну а чего терять полтора часа как минимум, пока корабельщики прокрутят свои агрегаты в прогонных режимах и дадут добро на отчаливание. Эх, знал бы я, чем закончится этот поход...

Солнечная система. Земля. Пригород Донецка.

2256 год. 14 марта, пятница. 11:30 по Гринвичу

– Отделение, пли! – онемевшими от холода губами прошептал я, и гулкий залп из древнейших автоматов Калашникова взметнул стаю ворон с окрестных заснеженных топей. А в семейную ячейку под траурную мелодию начали опускать капсулу с прахом парня из второго отделения нашего взвода. Точнее, то, что выскребли из остатков скафанд-

ра, пойманного в открытом космосе.

Небольшая толпа из родни и знакомых Славки Зуева, добродушного и здорового парня с Херсонщины, молчаливо стоящая рядом. Мать, которую поддерживает под руки отец и младший брат, плачущая красивая брюнетка, полненькая, как раз в Славкином вкусе, наверное, здешняя зазноба. А может, и невеста, бог его знает, мы со Славкой не настолько хорошо знакомы были.

Пробежка до Плутона прошла штатно, и «Осмотрительный», развернувшись за его орбитой, отработал боевые стрельбы главным калибром, разнеся в пыль пару здоровенных глыб, болтающихся в пустоте и, по оценкам баллистического компьютера, могущих в далеком будущем угрожать Земле или Марсу. Потом высадка группы захвата на такую же глыбину – тут уже я с отделением на боте скакнул за триста верст, попрыгал по поверхности астероида, расплавил с парнями свод небольшой пещеры и, отрапортовав об уничтожении вероятного противника, вернулся с парнями на борт, прихватив в качестве сувенира небольшой кусочек базальта. А через шесть часов при подлете к Сатурну встретили этот гребаный «контрабас».

Этот гад лег в дрейф, позволил нам приблизиться на расстояние высадки досмотровой группы, а потом решил врезать по нас из старой, но на таких дальностях крайне эффективной гауссовки. И только подвиг досмотровой группы, успевшей своим ботом перекрыть директрису гауссовки,

спас нас от серьезнейших неприятностей. Парней разнесло в клочья вместе с ботом, потом удалось найти и спасти троих, и то быть им киборгами. А шестеро «пали смертью храбрых». Затем abordаж и штурм, мое отделение, усиленное половиной третьего, взяли на штык «контрабаса». Благо Васильич аккуратно вырезал гауссовку и повредил двиглы судна. Экипажа живьем не брали, ну кто виноват, что они оказывали сопротивление и делали резкие движения в виде судорожно дернувшейся ноги, например? Никто. Только котов я приказал не трогать, когда в одной из кают обнаружили трех здоровенных тварюг. Не стал рисковать: кэп наш ну очень котов уважает.

После чего были длинные поиски, искали ребят. Неделю я жил на боте, гоняя по расширяющейся спирали вдоль вероятных траекторий обломков досмотрового бота. Двух поднял, в том числе и Славку.

Потом куча докладных, изъятие военной прокуратурой всех записей, устный опрос всех свидетелей, то есть нас. После чего дело закрыли и отправили на полку. С «контрабаса» получили интересные трофеи, груз неактивированных киборгов, точнее, биороботов. Тут вроде как и наш старшина-киборг, и эти девушки тоже киборги. Но Васильич был рожден человеком, а эти были полностью созданы. И прав у них никаких, за них полностью отвечает хозяин. Роботы, точнее, роботессы, были мало того что контрабандно вывезены, так еще и незаконно изготовлены. Похоже, какая-то вой-

нушка затевается на окраинной планете, не иначе. В любом случае наша доля, как обычно, шла или в деньгах, или в товаре. Я, например, пока не решил, что делать буду с парой доставшихся роботесс. Погляжу, пока пусть в трофейной камере хранятся – пока я служу на флоте, это для меня бесплатно.

После окончания траурной церемонии я вывел свое отделение с кладбища на окраине Донецка. Сдали в комендатуру автоматы, и после распустил ребят в увольнение. А сам, переодевшись в гражданку, порулил в ближайший бар на среднем уровне, где хотел серьезно наклюкаться. Такие потери редкость, надо помянуть парней. На верхнем уровне мне не нравится – ни публика, ни обстановка. Внизу точно подерешься, там шпаны хватает, нет ни малейшего желания. Средний уровень – рабочий район. Где обычно не трогают и не лезут в душу.

*Солнечная система. Земля. Пригород Донецка.
2256 год. 14 марта, пятница. 20:18 по Гринвичу*

Бар оказался хоть и небогатым, но на удивление неплохим: тихая музыка, стилизованная под старину обстановка. Конечно, выпивка не самая лучшая, но мне и простая водка пойдет.

– Вот ты где! – После пятой или шестой двойной рядом опустилась Лара. Тоже по гражданке, в легкомысленно коротком платице под курткой. Длинные сапожки подчерки-

вали стройность ног девушки, да и взгляд притягивали. Волосы зачем-то в темно-рыжий выкрасила. Хотя красиво. – Бармен, мне тоже водки!.. Помянем! – И она залпом выпила свою двойную, поморщилась. Поглядела, как я молча выпил еще несколько рюмок, и решительно взяла меня за руку. – Пошли, Матвей. Хватит.

– Рыжая, да оставь ты его! – К нам неторопливо подошел хамоватый тип, из компашки вошедших вслед за Ларой типа крутых перцев из «золотой молодежи». Крепкие, накачанные, неплохо тренированные парни ищут себе на задницу приключения на нижних уровнях, адреналина им не хватает.

– Отвали! – Лара отбросила руку.

А я пожалел, что оставил бластер. Хотя я же знал, что напьюсь. Вот не мог предположить, что со мной девушка будет.

– Чего? – удивился парень и попытался схватить Лару за ворот куртки, но был отброшен сильным ударом ноги в живот. Моей ноги. Нехрен моих девушек цеплять.

Пролетев пару метров, он грохнулся на стол и свалился с него. Ну а что, сейчас мебель в таких заведениях делают крепкую, чтобы не менять после каждой драки. Выйдя в центр зала, я увернулся от пары брошенных в меня бутылок. Полных, разумеется, – смысл бросать пустой пластиковой упаковкой? Поймал за кулак еще одного здоровяка и слегка подправил его движение, попутно придав небольшое ускорение, в результате чего парень ударился о стену и сполз по ней.

И в этот момент в Лару прилетела полная бутылка, ударив ей в лицо. Вскрикнув, девушка упала. Упала виском на кусок срезанной стойки стула, которой я раньше не заметил. Все-таки это недорогая забегаловка.

Глядя на растекающуюся из-под головы Лары кровавую лужу, я почувствовал, как сознание застигает багровая пелена ярости.

В себя пришел, когда прекратили дергаться ноги пятого парня, голова которого была расколота о стену до состояния коровьей лепешки. Четверо остальных тоже вряд ли подлежали реанимации. У всех я разрушил головной мозг больше чем на семьдесят процентов, просто разбив им головы вдребезги.

За стойкой блевал бармен, в углу ревели две девчонки-посетительницы.

– Стоять! Полиция! На пол, лежать, руки на голову! – В бар заскочили двое мужиков в полицейской форме, со станнерами в руках.

*Солнечная система. Земля. Городская тюрьма
Донецка.*

2256 год. 21 марта, пятница. 12:12 по Гринвичу

– Матвей, понимаете, оплата такой операции и лечения в целом очень дорога. – Мой адвокат, точнее, наш, семейный, передвинул с места на место папку с планшетом. – Ведь Лару, как и тебя, уволили из Космофлота.

Ну да, один из тех, кому расколол череп, был сыночком сенатора. Очень и очень влиятельной шишки. Конечно, его влияния не хватило, чтобы удавить меня в тюрьге, – слишком много шума, да и враги у него нашлись соответствующие в полиции, так что я особо охраняемый заключенный. А вот влияния на то, чтобы уволить меня и Лару из рядов, – вполне. И теперь моя девушка лежит в гражданской клинике, и мне необходима куча кредитов, чтобы оплатить ее лечение. Хотя бы продлить жизнедеятельность, в самом худшем случае.

Дело в том, что Лара беременна. Носит моего ребенка. Кстати, из-за этого и придрались. Скоты, девушка в коме, ранена, а они ее уволили. У меня кулаки сжались от желания удавить флотских чиновников.

– Моисей Ипполитович, продавайте мои трофеи. Держите. – Я скинул ему данные. Конечно, каждый файл, вышедший от меня и тем более ко мне зашедший, проверяется, но в этом нет ничего незаконного. Тем более что мои трофеи в случае моего увольнения имеют право еще два месяца на складах флота храниться. – Это пока. И ищите покупателей на мой дом в Нукусе. Судя по всему, потребуется.

Солнечная система. Земля. Городская тюрьма Донецка.

2256 год. 29 мая, четверг. 15:00 по Гринвичу

– Здравствуй, главный корабельный.

Меня навестил Васильич. Вот уж кого не ожидал. Точнее, я знаю, что парни меня поддерживают, но служба есть служба, с нее не особенно вырвешься.

– Здравствуй, капрал. – Васильич назвал меня по званию. Приятно, черт побери, давно меня так не называли. В принципе имею право, меня хоть и уволили, но в запас, звание сохранили. – Пришлось из-за тебя на Терру спуститься, хотя и не люблю я ее. Подключайся к разъему, качать инфу будем. – Киборг подключил флешку к считывателю.

– А нужно? – Я удивился. Какая информация, для чего она мне?

– Нужно. Тут старые уставы, справочники, Наставления по стрелковому делу, ремонту, руководства службы. Понадобится, поверь мне. Плюс старые охотничьи, туристические, рыболовные справочники. Даже пара энциклопедий домашнего хозяйства и три кулинарные книги конца девятнадцатого – начала двадцатого века есть. Качай, не спрашивай. Тебе точно понадобится! – Киборг раздраженно сверкнул оранжевым.

Ну надо, так надо, у меня в имплантах места еще навалом, можно транспорт запихать, если постараться. И потому я подключил тюремный коннектор к разъему.

*Солнечная система. Земля. Донецк, Городской суд.
2256 год. 23 июня, понедельник. 14:40 по Гринвичу*

– Матвей Игнатъев признан виновным в умышленном

убийстве во всех пяти эпизодах. Приговаривается к двум пожизненным срокам. Приговор может быть обжалован в течение месяца в общем порядке. – Судья, строгая женщина лет сорока-пятидесяти, ударила молотком по столу. – Вопросы есть, осужденный?

– Нет, ваша честь. – Ну чего-то такого я и ждал.

И адвокат спокойно собирает бумаги. Нет, он подаст апелляцию, но толку от нее точно не будет. Так что для меня он мало чего может сделать. Нет, вру. Он делает для меня очень много. Я ему верю и потому оставил ему право распоряжаться теми деньгами, которые получил за продажу дома и реализацию акций и всего остального. Что у меня было. Точнее, я сразу перевел все на счет Лары, а стряпчего сделал ее попечителем. А то у меня все исками отсудили бы, а так я гол как сокол.

Солнечная система. Земля. Городская тюрьма Донецка.

2256 год. 22 июля, вторник. 11:03 по Гринвичу

– Мистер Игнатъев, вам отказано в пересмотре приговора. Приговор вступает в законную силу. – Сидящий за столом представитель закона встал и неторопливо вышел на середину кабинета, остановившись рядом со мной.

Ну, в принципе рискованный мужик. Или провоцирует? Я хоть и в кандалах, и два вертухая рядом, но ведь все равно рискует. А обращается интересно, из англосаксов точно,

и выговор скорее американский, откуда-то с Юга. Есть знакомые парни из тех мест.

– У нас предложение. Мы готовы заменить ваше тюремное заключение пожизненной ссылкой на одной из колонизируемых планет. Предлагаем один раз. Планета кислородная, терроформированная. Вы будете там сами по себе, никаких представителей системы исполнения наказаний. Никаких ограничений в передвижении по поверхности планеты. Никаких ограничений в поступках. Никакой защиты со стороны государства. Сможете – выживете. Согласны?

– Да! – Я согласился прежде, чем он закончил свою речь. Вот о чем говорил Васильич!

– Тогда через пять часов вы вылетаете на борту корабля системы исполнения наказаний. У вас есть час, чтобы отправить письма родным и близким. Прощайте. – Чиновник, потеряв ко мне интерес, вернулся за свой стол.

– Пошел. – Меня толкнули дубинкой в плечо. – Шевелись, парень, у тебя мало времени.

Вертухаи довели меня до моей одиночки и, уже разворачиваясь, оба, почти одновременно, бросили:

– Удачи!

Неизвестно где, неизвестно когда

Ох ты тля, как же болит голова...

Я с трудом приподнял руку и прижал ее к макушке черепа, пытаюсь унять пульсирующую боль. Ну еще бы, кто-

нибудь хоть сомневался, что ссыльным нормально анабиоз проведут? Нет, конечно, все останутся живы и здоровы, а последствия... Последствия потом долго еще сказываться могут. И головная боль – просто реакция мозга на разную скорость восприятия потоков из самого мозга, нейросети и имплантов памяти.

Перед глазами низкий серый потолок с лампой в зарешеченном абажуре, практически такой же, как в моей бывшей капральской каюте на Луне, и серая же стена. Чуть повернул глаза – увидел и вторую стену, такую же серую. Потолок, похоже, стальной, виден сварной шов, уж это я точно могу отличить. Да и стены тоже. И где это я сейчас? То, что не в космическом корабле, ясно, но где именно?

Порывшись в голове, обнаружил полнейший голяк с подключениями сети. Точнее, все доступы сети были заблокированы. При этом импланты памяти нормально работали, но даже самые простейшие функции нейросети, такие как определители сторон света и часы, не функционировали. Везде «доступ воспрещен». Так что где я, сколько времени прошло с тех пор, как я уснул в капсуле, – неизвестно. Кстати, коннектор на руке мой, старый. Не тюремный. Но тоже заблокирован, снять не могу. Получается, мое местоположение отслеживается, за мной ведется контроль вплоть до записей разговоров, и я ничего не могу с этим сделать, снять во время активной работы коннектор – верный путь к сбою нейросети и вероятной на сто процентов шизофрении. И то

в лучшем случае. Гуманисты, мать их...

Медленно, опираясь рукой на лежанку, я сел на жестком ложе, а точнее, узкой койке с ограждением в головах и ногах. Корабельная, что ли? Когда я служил, у нас было нечто подобное. Проходил как-то практику на кораблях ВМФ Земли, древних, практически антикварных. Держат их и как память, ну и морпех просто должен хоть пару раз, но высадиться с борта морского военного корабля. Мало ли что! Разумеется, эти корабли в основном как музеи работают десять месяцев в году, водят на них школьников из тех учебных заведений, которые в верхней зоне расположены. А на два месяца они только флотские.

Обежав глазами узкую каюту, я в первую очередь остановился на аккуратно сложенных на низкой скамье возле стены напротив вещах. Хотя, наверное, правильнее будет сказать – сложенных на банке, раз уж это корабль. Точно, давно забытые ощущения – мелкая вибрация, еле заметная, едва слышный, низкий, на уровне инфразвука, шум, передающийся из машинного отделения. Шорох воды, трущейся о борт. И все же – где я?

Попытавшись встать, я вынужден был усесться обратно из-за закружившейся головы. Подождав, пока стены каюты не перестанут танцевать перед глазами, я вновь попытался встать, на этот раз более успешно, и, держась рукой за переборку, шагнул к крохотной раковине со сверкающим хромом краном. Дешевеньким, кстати, – простейший кран-смеси-

тель, даже намек на температурные датчики нет, максимум возможностей для импровизации. И только глотнув затхлой воды – явно давненько в цистерны набрали, – я понял, какая гадость до сих пор у меня во рту была. Такого даже с самого жуткого похмелья не бывает, просто чудовищная какая-то химия. Прямо под умывальником, кстати, и стульчак расположен, тоже вроде как стальной. Если холодно будет, можно и задницу отморозить. Да, хорошо, что не холодно, одет-то я только в добротную байковую рубашу и такие же кальсоны. Афигеть! Натуральная ткань! Это что за цирк – одеть ссыльного в белье из натуральной хлопковой ткани, – она же диких денег на Земле стоит! Впрочем, попробуем насладиться этим, по крайней мере, по сравнению с кислотной тюремной робой, – красота! Серые, мягкие, хорошо и по размеру сшитые, явно на меня подобранные. Сдуреть, кальсоны, про них память у меня только в импланте, как раз в тех сайтах, что Васильич мне сбросил. Похоже, старый киборг знает об этой планете намного больше, чем мелькает в новостях. Глянув на закрепленное над умывальником саморезами зеркало из полированного куска нержавеющей стали, углядел хмурого, небритого типа, с низкими надбровными дугами и небольшими глазами под ними. Ну да, за образчик мужской красоты я никогда не проходил, скорее на неандертальца похож, и волосат почти так же, Лара все смеялась.

Так, вещи. Может, там что ясно будет? Сделал шаг к вещам и заметил небольшую деталь, на которую раньше не об-

ратил внимания. Прямо над вещами, на стене, под прозрачным пластиком, висело объявление, напечатанное на обычном листе бумаги и по-русски.

Внимание!

Ссылный, не заряжай оружие! Ссылный в камере с заряженным огнестрельным оружием считается бунтовщиком и уничтожается без суда и следствия!

Командир корабля-перевозчика ссылных капитан первого ранга Измайлов

Опять афигеть! Этим корытом командует капитан первого ранга! То, что такой анахронизм, как огнестрельное оружие, здесь есть, – меркнет перед тем, что этим суденышком управляет человек, который по званию минимум эсминцем командовать должен, а то и отрядом кораблей. В голове всплыло, что эта планета находится под Эдиктом, и потому к ней, кроме как Корпус Эдикта, никто доступа не имеет. Это еще та организация, прав у нее столько, что все спецслужбы нервно курят в сторонке. И даже свой флот из сторожевых кораблей имеется. Не сказать чтобы уж очень зубастых, но для любого пирата с головой хватит. А флоты систем Корпусу Эдикта не помеха. Но она, насколько я знаю, никогда этими правами не злоупотребляет. Точнее, не дают ей особо злоупотреблять: чтобы планета попала под Эдикт, нужно нечто из ряда вон выходящее. Например, на одной вполне

нормальной планете были обнаружены паразиты, живущие в головном мозге. Как они туда попадают, не знаю, но то, что из-за этого и та, и еще одна, вполне терраформированная, планета были закрыты напрочь – это была очень шумная история. Опасность пандемии галактического масштаба – не шутки. Пока медики не научатся справляться с напастью на сто процентов – не откроют.

Так что я на планете под Эдиктом. А также я сейчас во внезаконье. Зазеркалье. Стране, находящейся вне юрисдикции и судебной власти, где правит только сила. Только оружие. Что в принципе мне как-то по барабану, пока жив, а что будет дальше – неизвестно. И так пожил подольше, чем некоторые знакомые парни.

Словно подтверждение моих воспоминаний, за стальной дверью неподалеку раздалась короткая автоматная очередь. Скрежет ключей, скрип тяжелых петель, одиночный выстрел. Неразборчивые голоса, постепенно удаляющиеся. Опять одуреть – двери с ручным управлением, механические замки, ключи. Такое бывает до сих пор, но редко. И дорого.

– Суки! Палачи! – Опять же рядышком молодой мужской голос, истерический, с подвизгиванием. – Пустите меня!

И негромкие удары в сталь, будто кулаками молотит. Потом погромче и размереннее – наверное, повернулся и продолжает каблуком сапога. Сапоги, кстати, вот стоят. Юфтевые, хорошо начищенные. И накрытые сверху портянками.

Похоже, я уже перестаю удивляться тому, что одежда и обувь для ссыльных выполнена из натуральных тканей.

Одеться надо. Нечего в исподнем ходить. И вещи разобрать, и поскорее. Неизвестно, долго ли мне здесь еще окочалчиваться. Так. Что тут у меня?

Чехол ружейный, простой, брезентовый, с кожаными накладками на углах, клапане и кожаным цилиндром там, где ствол заканчивается. И патронташ, кожаный. Что-то мне такое отношение к снаряжению навеивает странные мысли. Неужто оно – огнестрельное оружие? Но не суть какое, главное – оружие! Блин, как же я соскучился по надежной тяжести в руках!

Подрагивающими руками вытряхнул из чехла пару чехлов из бязи. Ствол, ложе со ствольной коробкой. Оба! Прошерстив память имплантов, нашел, что это курковый Иж-17 шестнадцатого калибра, простенькое, недорогое и очень хорошее ружьишко по прозвищу «ежик». Новодел, конечно, на клейме кроме стрелы «Ижмаша» еще комета «ЕрАрмз», завода с одной из планет внешнего кольца. Он как раз специализируется на выпуске реплик охотничьих ружей и винтовок конца девятнадцатого, двадцатого и двадцать первого веков. Но ружье на самом деле неплохое. Длинный ствол, цевье и приклад из хорошего ореха. Так, заряжать нельзя, но нет запрета собрать и не зарядить. Вообще-то ружьишко очень прикладистое и удобное. Нечто подобное у меня осталось там, на воле. Не огнестрел, конеч-

но, парализатор, но общая развесовка и даже слегка дизайн схожи. В нашем мире с чокнутыми зелеными убивать дичь нельзя. Даже рыбачить строго по лицензии и очень дорого. В Метрополии вообще жизнь недешева, прямо скажем, если ты не живешь на велфере. Работяга, военный, полицейский – со всех тянут, чтобы толпу бездельников накормить и немного развлечь. Но поохотиться можно, окольцовывая птиц и зверей. Прошлым летом мы с Ларой ездили в Поволжье, на флотскую базу. Хорошо отдохнули. Но нужно проверить, работает ли это ружье, только как это сделать? М-да, вот уж незадача – несколько раз бывал на окраинных планетах, и хоть и крутил охотничьи реплики огнестрела в руках, и даже стрелял в тире, но поохотиться ни разу не сподобился. Хватило практики по «карасевке», когда нас на полигоне учили разделять дичь и рыбу и готовить ее в полевых условиях, на живом огне. Хотя сразу инструктора признались, что, кроме Земли, нам такое умение ни к чему. При всем при том настреляться именно из огнестрельного оружия во время обучения пришлось вдоволь. Основные навыки курсантам преподают именно с огнестрелом, правда, совсем не таким архаичным.

В ответ на мысленный запрос о проверке работоспособности охотничьего оружия в мозгу всплыла информация из тех сайтов, что опять-таки сбросил мне старый киборг. Оказывается, все гениальное просто. Кстати, буду жив-здоров – нужно будет тщательнейшим образом разобрать эти объемы ин-

формации, Васильич явно что-то знал. А пока...

Выдернул из-под банки рюкзак, высыпал на палубу все то, что было в нем. Шустро раскидал рукой, выискивая подходящее. Вот оно! Маленькая жестянка с заворачивающейся крышкой, в которой оказались охотничьи спички. По весу – чуть тяжелее, чем латунная гильза.

Взведя курок, поставил на лоб ствольной коробки жестянку и нажал на спуск. Боек ударил жестянку, подкинув ее почти до потолка каюты. Нормально, гора с плеч. Живое ружьишко. И патроны вроде нормальные, гильзы в гнездах, яркие, пластиковые. Десять патронов подписаны, что пулевые, восемь картечин и восемь – с дробью-«пятеркой». Отлично! Но до сих пор ничего не понятно. Зато хоть и древнее, но оружие в руках, очень неплохо.

Торопливо оделся в плотные штаны из серой ткани, рубашку из такой же простой, плотной, больше похожей на свитер с тканевыми усилениями на плечах и локтях. Намотав портянки (слава инструкции!), обул сапоги, потопав по полу. Ну вот, почти красавец, если на морду лица не смотреть. Поглядел на скрутку из тяжелого сукна, на брошенную рядом шинель из этого же сукна, плотного, серого. Покрой древний, похож на картины из музея Победы. Попробовал шов потянуть – надежно сшито, очень прочно. Толстыми нитками, таких в обычной жизни не встретить. Вообще сейчас в обычной жизни нитки встретить можно разве у вышивальщиц, недавно мода пошла на вышивку шелком. Шляпа.

Большая, добротная, похожая на ковбойскую, из моих любимых вестернов. Точно по размеру, но точно не моя. Или моя? Хрен его знает, никогда такой не носил. Но сразу видно – вещь. Именно так, с большой буквы. Так, шляпу на голову, шинель на койку, скрутку туда же, и собирать рассыпанные по палубе вещи. Неприятности, а именно они, скорее всего, начнутся после того, как откроют дверь каюты-камеры, лучше встречать одетым, обутым и полностью собранным. Пусть даже как на картинке из старой земной хроники. Хорошо то, что опять же по «карасевке» научили мотать портянки. Вроде бы непонятно для чего, но сейчас я этому рад-радешенек.

А совсем неплохо со шмотьем в рюкзаке, кстати. Пара таких же верхних рубашек, пара белья запасного плюс двое трусов из синей ткани, семейно-безразмерных, запасные теплые портянки, два ножа. Причем ножи тоже простейшие, стальные, один пичок узбекский, с рукоятью из персикового цвета дерева, легонький, очень острый, и тяжелый боевой нож. У этого рукоять из резинопластика, простая и удобная. Виброножей нет, получается. Жаль. Очень жаль.

Чашка, котелок, кружка из жести, покрытой коричневой эмалью снаружи, и белые внутри. Все собрано в котелок и переложено грубой оберточной бумагой. Сплошь винтаж, чтоб его.

Пакет из плотной бумаги, простой, прошитый нитью. В нем три картонных упаковки из Макдональдса, завтрак

с ветчиной, яйцом и сыром. Интересно, ресторанчик-то земной, адрес на упаковке написан. Это что, вроде как прощальный ужин? Афигеть, по-другому не скажешь, с Земли сюда везти. Не поймешь – то ли тонкое издевательство, то ли, наоборот, гуманное отношение к заключенным.

За броняхой продолжалась истерика с биением и пинанием дверей и воплями и визгами. Кто-то коротко рывкнул, чтобы вопящий заткнулся. А не то с ним проделают сексуальное насилие. Жуткое и извращенное.

А я сидел, рассматривая свою каюту-узилище. Как-то времени не было, да и не до того. А сейчас гляжу – ничего особенного, обычная стальная комната два на три метра. Вон крохотный ретранслятор, это, похоже, видеокамеры. Какое-то все винтажное, я с таким оборудованием сталкивался только на лунной базе, когда демонтаж старья производили на древних уровнях. Но это, похоже, рабочее. Интересно, для чего, ведь на мне коннектор? С его помощью муху, севшую мне на шляпу, отследить не проблема, а здесь вон красные огоньки над объективами горят. Следят постоянно? Интересно, кто там такой любитель за гадящими мужиками поподглядывать? Кроме светильника под самым потолком крохотный иллюминатор с задраенным стеклом. Это хорошо, что он есть, – хоть понять можно, день сейчас или ночь. Сейчас вроде как день, по крайней мере за бортом светло. Хотя что я знаю об этом зазеркалье? Может, здесь полярный день такой? Или ночь? Хрен его знает.

За дверью грохнул одиночный выстрел, ружейный. Некоторое время было тихо, потом быстро протопало несколько человек, погромели ключами и поскрипели навесами, открывая дверь. Интересно, они специально навесов не смазывают? Скрип такой, что яйца сводит.

Из-за брони раздались приглушенные матюки и ругань идущих обратно людей.

– ...Потолок, сука, мозгами загадил. Придется щетку тащить и смывать. Нет чтобы как тот, во второй камере, тихо удавился, и все.

– Перестань, Николай. За такую зарплату можно и мозги пооттирать. А вообще, еще восемь часов – и на месте. Выгрузим...

Разговор затих, а я отлип от брони, к которой прилип ухом в районе смотрового окошка, или как там еще это называется. Опять не понял. Самоубийство ладно, но где бытовые дроиды? Впрочем, чего голову ломать?

Значит, часов восемь у нас есть. Можно поспать по-людски, а не под наркотой. Заодно запущу нейросеть на считывание информации из носителей, нужно все те старые книжки, что мне Васильич сбросил, прочесть. Интересно, чего эти чуваки счета с жизнью свели? Оружие есть, вроде как относительная воля будет. Или так на них та наркота подействовала? Бог их знает и им судия. А пока поесть нужно!

Достав из рюкзака кружку, я как можно тщательнее от-

мыл ее под краном. И почему хоть кусок мыла не положили, раз уж ничего из современного нельзя? А потом набрал уже протекшей, несколько посвежевшей воды. Надеюсь, ничего от воды не схвачу, хлоркой припахивает – наверное, дезинфекцию делали. Вытащил первый попавшийся завтрак, разломил пополам картонную упаковку.

– А это что? – Я вытащил из-под свернутой тортильи кусок газеты. Ровненько так оборванный по согнутой кромке.

Обведенный зеленым маркером кусок текста в общих чертах рассказывал о суде над Матвеем Николаевичем Игнатьевым. То есть надо мной. Я был признан присяжными виновным в самосуде и умышленном, как написано в обвинительном заключении, «крайне жестоком» убийстве пяти человек. И приговорен к пожизненному заключению. Вот оно что, «по просьбе осужденного пожизненный срок заменили на пожизненную ссылку». Надо же, меня-то никто не спрашивал, приговорили, объявили, что ссылка будет на одной из отдаленных планет, – и вперед. Впрочем, чего теперь, что было, то прошло. Одна радость – что Лару примерно через полгода выведут из комы, восстановив мозговую ткань и нейросети. И даст бог, ребеночек родится здоровым, доктор клялся, что патологий не обнаружено, а денег от продажи моего дома с лихвой хватит на все действия по контролю развития ребенка, приему родов у Лары и послеродовому уходу за младенцем. Социальная медицина, как оказалось, совершенно не обязана заботиться о здоровье плода в чреве

матери и уж тем более о ребенке.

Фотография красивой кареглазой шатенки, смеющейся, прячущейся за веткой цветущей японской вишни. Подпись, гласящая, что это Лара Игнатъева. Моя, так сказать, жена. Надо же, поженить успели и любимую фотку Лары нашли, из Японии. Это она еще курсанткой туда ездила, до знакомства со мной.

И надпись тем же маркером, снизу по какой-то рекламке:

Матвей Николаевич, мы очень вам сочувствуем! Мы вас любим! Держитесь!!!

Вера, Еленка, Женя и Алсу, девчонки из ресторана Макдональдс, Казань

И отпечатки четырех разных оттенков губной помады поверх подписи. Вроде как воздушный поцелуй из той жизни.

– Спасибо, девоньки. – Я улыбнулся, представив девчонок-подпольщиц. Наверняка им этот поступок казался верхом гражданского неповиновения. Интересно, когда это мы все успели проспать приход к власти этих долбодятлов, представляющих нынешний Совет Земли? – Спасибо вам, красавицы.

И смотрел на фотографию той, которую сейчас люблю больше жизни. И которой точно в течение ближайших лет не увижу. Блин, выть хочется от тоски. Наглядевшись на фотографию, я аккуратно, вокруг портрета Лары, сложил вы-

резку и начал искать, куда бы его убрать. Не в картонную же упаковку от завтрака, и так здорово повезло, что жирное пятно попало на текст, а не на портрет моей девушки, к огромному моему сожалению, невенчанной моей жены. Интересно – то, что я вытащил первым именно эту упаковку, можно назвать случайностью? Все-таки один из трех – достаточно высокий процент вероятности. Но то, что эта коробочка оказалась именно у меня, – это явно не случайность. Но тут вариантов множество. От влюбленного в одну из девчонок конвойного, или кто там ездил за завтраками в ресторанчик, до того, что одна из этих девчонок дочка командира корабля. Если прибавить экипаж корабля-перевозчика, то вариантов до Бениной мамы. Впрочем, не стоит гадать, все едино вернуться и сказать спасибо вряд ли возможно. Да и незачем: не стоит хорошим девочкам с убийцами общаться. Еще плохую карму подхватят. Был бы я капралом – еще можно было бы, но сейчас точно не стоит.

Тут я углядел уголок, беленький такой, торчащий из кармана полупустого рюкзака. Нагнувшись, я вытащил плотный конверт, вроде как обычный, почтовый, но сделанный из бумаги. Такие простому народу не по карману. Открыв, присвистнул. И вытащил из него тонкую пачку денег. Точно денег – откуда-то вспомнилось, что это здешние кредиты, общая валюта здешних земель. Всех – русских, американских, европейских. Даже азиатских вроде как. Так же, как и на Земле, объединенная валюта, даже чем-то смахива-

ет. Похоже, мне кое-какую инфу качнули об этой планете.

– Ну вот, сюда и положу. – Я вложил портрет в конверт и сложил его пополам – как раз и фотография не согнулась, и плотнее так будет. Спрятал конверт во внутренний карман то ли свитера, то ли рубахи вязаной, с усилениями на локтях и плечах из плотной ткани. Вообще достаточно удобная одежда, прямо скажем. Не зря богатый люд одевается только в одежду из натуральных тканей. А потом взялся за деньги. Крупные купюры, кстати, и видом какие-то староватые, что ли. Ну, дизайн несовременный. И красноватые, в отличие от тех, земных, «зеленых» бумажек. Не гринбак, а редбак. Или пинкбак. И кстати, у меня двести пятьдесят этих кредитов пятерками и полсотни по одному. Как это по курсу здешнему, интересно?

Отсчитав пять бумажек по пять и десять по одному кредиту, я сложил их пополам и сунул в карман брюк, один из многих. А большую часть убрал в нагрудный карман и застегнул. Не стоит все яйца держать в одной корзине, право слово. Прицепил пичок к поясу, а боевой нож уложил в рюкзак. Плохо то, что фляги нет, но раз есть деньги, то и магазины тоже найдутся. Есть такая уверенность. И, бросив скрутку и шинель под голову, я прямо в сапогах завалился на лежанку, откусывая от завернутых в лепешку котлеты и жареного яйца. Чаю бы еще, крепкого, черного, можно с коньячком.

Какое-то время я копался в старых уставах, охотничьих и туристических справочниках, наставлениях по стрелково-

му делу древних огнестрельных систем, даже книга «В помощь партизану» времен Второй мировой попалась, наша, русская, крутил древние ролики с примитивной графикой, на старых земных языках, а потом и в самом деле уснул – и проснулся от рывкнувшего ретранслятора.

– Внимание, ссыльные. Подъем! Через час ваша высадка, через сорок пять минут вас выведут из камер. Внимание! Оружия не доставать, ножи спрятать в рюкзаки. Все, у кого увидят нож на поясе или в руках, вообще в пределах быстрого доступа, – будут убиты снайпером! Каждый, кто попытается вытащить ствол, – будет застрелен снайпером. Каждый, кто попытается кинуться на конвоира, – будет застрелен снайпером.

В случае попытки массовых беспорядков будет открыт огонь из пулеметов на уничтожение. Ссыльные, здесь вам не там! Никто не отчитывается за ссыльных, отчитываемся только за патроны. Вы – для того мира мертвы. Сумеете ли вы выжить и вернуться назад – только ваша проблема. Будьте разумны и спокойны, и у вас начнется новая жизнь здесь!

Щелкнув, громкоговоритель отключился.

– Неплохо, мы вас всех убьем, и ничего нам за это не будет. Впрочем, чего еще ожидать, – я усмехнулся и встал, потягиваясь. Придется пичок снимать и убирать в рюкзак. Впрочем, всегда успею повесить обратно. А вот пару патронов в карманы бросить не помешает. И бязевые чехлы с «ежика» снять, чтобы собрать быстрее. Цевье в карман по-

ложу, клапан открою, ствол в коробку, цевье прищелкну, патрон в ствол – и вооружен. Не против пулеметов, естественно, но что меня ждет на берегу – хрен его знает.

Полностью собрав рюкзак, привязав к нему скрутку, встал на стульчак и одним глазом выглянул в иллюминатор. Блин, все едино высоко, вижу только облака в чистом синем небе и чаек с бакланами. Много птиц, кстати, очень много, значит, и рыбы здесь навалом. Ладно, поглядели – и будет. Стоп. А откуда ЗДЕСЬ чайки и бакланы? Это же не Поволжье?!

Ошалело покачав головой, я спрыгнул со стульчака и решил использовать его по назначению: когда еще нормально на горшок сходить получится? А пока время есть...

Через сорок минут меня предупредили, что будет открываться броня, потребовали отойти в дальний угол, положил ружье в чехле возле двери. Когда я облокотился на дальнюю от двери стену, лязгнул замок, с жутким скрипом отворилась дверь. В каюту заглянули два автоматчика с автоматами Калашникова. Вроде «сотой» модели, под патрон 5,56 НАТО. Рожок, по крайней мере, не такой изогнутый, как у «семьдесят четвертого». Сами очень серьезно экипированные ребята, в такой снаряге даже здание штурмовать можно, и при этом с огнестрелом. Вон на бедре пистолет закреплен, тоже пороховой, похоже. Видимо, я точно чего-то очень важного не знаю и потому вообще ничего не понимаю.

– Пока стоишь. Твой номер – семнадцатый. Как услышишь его, берешь шмотье – и налево от двери по коридору,

по трапу наверх. Встаешь у левого борта и не дышишь. Ясно? – Один из них коротко пнул мой чехол с ружьем и, повернувшись, вышел.

Следом за ним вышел было второй. Но повернулся в проеме брони и мотнул башкой в шлеме:

– Удачи, капрал.

А ведь это точно не вертухай, повадки совсем другие. Я не люблю вспоминать, где и сколько я просидел, но так себя вертухай не ведут, у них в крови совсем другие правила, вбитые многолетним опытом личным и многовековым опытом конторы.

А тем временем в коридоре скрежетала следующая дверь.

– Семнадцатый, на выход с вещами! – рявкнул ретранслятор.

Так, а вот и команда. Облизнув пересохшие губы, я подхватил чехол с ружьем и вышел из каюты. Повернул налево и пошел вдоль ряда распахнутых и пустых кают. Поднялся по крутому корабельному трапу, вышел из тамбура, зажмурившись от яркого солнца. Проморгавшись, увидел выстроившихся вдоль левого борта хмурых мужиков, парней. Все так же, как и я, одеты в шинели и шляпы. У ног лежали разнообразные рюкзаки и чехлы с оружием.

– Шевелись! К борту, и не отсвечивать! – рявкнул сверху кто-то, и я поторопился к борту.

Не хватало пулю в затылок словить еще из-за нерасторопности. Оружие хоть древнее, но убивает вполне по-настоя-

щему. Вряд ли здесь кто-то будет проводить реанимационные мероприятия для ссыльных. Встав, глянул наверх, из-под бровей и полей низко надвинутой шляпы.

Пятеро мужиков, в таких же легких брониках и разгрузках, как и те, что меня в камере навестили. Такие же АК, но уже с легкой оптикой на планке. Чуть дальше, к надстройке, две башни от старых БТР, одна над другой уступом, с крупнокалиберными пулеметами КПВТ и ПКМТ. О, а вон в переборке, в небольших амбразурах, дульные тормоза – пулеметы, похоже, но не ПКМ. Скорее те, что когда-то были в армии США, оружие поддержки отделения, М249 под «пятерку» натовскую, то есть под 5,56 на 45. Три огневые точки плюс пять автоматчиков – они нас в секунду покрошат, не вспотеют. А Васильичу, по идее, я минимум литр должен. Хорошую, просто отменную подборочку он мне скинул. Гадал бы сейчас на кофейной гуще о ТТХ и баллистических особенностях оружия. Но почему даже на корабле нет энергетического оружия?

Пока я рассматривал охрану, к борту подошло еще пятеро. Один какой-то ботаник, молодой парень в модных стеклянных очочках, худой и хлипкий. Не, у нас во взводе служили несколько тощих парней, но те при своей худобе были из сплошных жил сотворены и очень опасные противники. А тут именно ботаник, растерянный, из голенища сапога торчит кус портянки, одежда неряшлива, рубаха заправлена в брюки и собрана в ком на пузе, явно в армии не служил,

даже на месячных курсах резерва. Я, кстати, рубаху в брюки не заправил, оставил навыпуск. Не знаю почему – видимо, корабль так подействовал. Вроде как уже не флотский, а какой-то то ли гражданский, то ли не пойми кто.

Еще двое – мужики среднего возраста, к сорока. Оба грузные, черноусые, здоровенные и похожи даже, родственники, наверное.

Двое остальных – вроде как молодые урки, то есть из молодых, но прилично отсидевших по малолетке. «Перстни» на пальцах, короткие стрижки, показушная борзость. Ненаказуемая, но демонстрируемая. Наверняка из «нижних» кварталов, в больших городах таких не счесть.

– Так, ссыльные! У вас есть выбор – или плывете до берега сами, или нанимаете лодку. Точнее, место в ней. От берега идут три яла, за пятерку здешних кредитов они вас перевезут до пристани в поселке. Дальше вы сами, как вам повезет. Решайте. Но после того как отвалит от трапа крайний ял, все оставшиеся на борту ссыльные будут просто сброшены за борт. Живые или мертвые – это им решать. Думайте, но недолго. Вон шлюпки уже идут, будут у борта через пять минут.

Я оглянулся. На самом деле, на речной глади три шлюпки, размеренно сверкающие мокрыми лопастями весел. Хорошо идут, ходко, ровно, умело, почти как на Лондонской регате. И поселок на берегу видать. Дома, пристань, дымки над домами. Дымы, мать! Одуреть, каменный век! Над шлюпками,

кстати, кружатся чайки и бакланы – похоже, за рыбаков приняли.

– Послушайте, но пять кредитов – это очень много! Здесь зарплата средняя тридцать-сорок кредитов, а до берега километр, наверное! – Это в начале нашего строя один из первых номеров, невысокий пухлый мужик выступил.

– Не хочешь – плыви. Но учти, вода за бортом двенадцать градусов, и тут щукой или сомом больше пяти метров длиной никого не удивишь. Не хочешь покончить жизнь особо извращенным способом – плати деньги перевозчикам, – из парных громкоговорителей рывкнул все тот же голос. – Сейчас аккуратно доставайте по пятерке и готовьте. На лодки вас без предварительной оплаты не возьмут.

Я плавно, аккуратно достал из кармана штанов отложенные на расходы деньги, взял пятерку и спрятал оставшиеся деньги обратно. Остальные мужики тоже доставали деньги, стараясь резко не дергаться, потому что автоматчики кинули автоматы к плечу, да и стволы пулеметов неприятно шевелились, выглядывая и высматривая.

Постепенно все успокоилось, тем более что ссыльные стояли чуть дыша. Одного расстрелянного в камере вполне хватило в качестве наглядной агитации. В коридоре на полу до сих пор не замытые следы волочения, причем четко видно, что кровавых дорожек две. Одна перекрывает другую, на трапе, на балясинах тоже кровь. И так до левого борта, где все прерывается, – видимо, выбросили, и все похороны.

Стволы башенок шевельнулись, сами башни, скрежетнув, повернулись в сторону подходящих шлюпок. Похоже, здесь никому не верят. Впрочем, их вполне можно понять: если тут все такие, как я, – то такой кораблик просто полон ништяков всевозможных, от автоматов до простой стали. И кстати, я об этом как-то сразу не подумал. Тут все, точнее, абсолютное большинство – такие, как я. Ну, может, не такие, я-то мстил за любимую, но то, что тут народ такой, что за косяк взгляд грохнуть может, – это точно.

По ссыльным, парням наверху, по кораблю и реке прошелся резкий порыв ветра, рванув шинели, сдув с очкарика шляпу, на которую наступил здоровенный мужичина в начале строя. Подняв сплюснутый в лепешку головной убор, он небрежно бросил его в сторону ботаника. Тот дернулся было в сторону своей шляпы, но остановился и опасно поглядел на надстройку. Один из автоматчиков разрешающе качнул стволом, и ботан поднял ее, попытался выпрямить. Впрочем, это ему уже не удалось: видок у шляпы был испорчен напрочь, как будто корова прожевала.

И насчет вида. Потрясающе красивый вид, обалденный. Широкая, ярко-синяя речная гладь, невысокие холмы вдоль левого берега, крутые обрывы вдоль правого, черно-красные. Только поселок в небольшой котловине – видимо, речка там какая-то впадает. Сплошь леса – и по правому берегу, и по левому. Где темно-зеленые, видимо, ели или сосны, отсюда не разобрать, а где ярко-желтые или кроваво-красные –

похоже, асины или клены. Красиво, бляха-муха. И воздух потрясающ, свеж, вкусен, можно сказать.

Около борта вскипела вода, натуральным образом. Довольно большие саблевидные, похожие на чехонь рыбины гоняли рыбью мелочь.

– На шлюпках – табань! – рявкнули громкоговорители корабля. Те остановились, задрав весла. – К кораблю по одной, вторая начинает движение после того, как предыдущая отойдет от нас на сотню метров. Первая пошла!

Самая ближняя к нам лодка вновь пошла к кораблю, а оставшиеся умело развернулись против течения и начали аккуратно подгрести, чтобы их не сносило. Умело действуют, кстати, сразу видно, что далеко не первый раз вместе на веслах. Я помню, как мы в учебке на нашей корабельной ходили, пока приспособились – сто потов сошло.

Первая шлюпка подошла и пришвартовалась к площадке сходен, спущенных с левого борта корабля.

– Первые десять ссыльных – пошли! – вновь рявкнули ретрансляторы. – Не спите, а то замерзнете!

Учитывая, что я находился в третьем, неполном десятке, мне пришлось грузиться в третью шлюпку. В принципе ничего сложного, но во втором десятке один чудик умудрился утопить ружье при посадке в шлюпку, а так в принципе никаких осложнений особо и не было.

Шлюпки оказались достаточно большими ялами, с широкими банками-скамьями, способными вместить в себя че-

ловек по двадцать. Основательные, добротные, хорошо просмоленные и ухоженные, ялы были рассчитаны на пять пар гребцов и примерно на столько же пассажиров. Но сейчас гребцов было четверо, две пары на двух кормовых банках. И четверо же мужиков, вооруженных короткими двустволками. Плюс на румпеле сидел еще один мужик, который собирал деньги за проезд.

Гребцы оттолкнулись от площадки сходен, вставили весла в уключины – и под команду рулевого размеренно повели шлюпку к берегу. Первые шлюпки были уже в значительном отдалении, точнее, именно первая уже подходила к берегу.

– Удачи, ссыльные! – на прощанье рявкнул матюгальник.

Корабль коротко гуднул, подняв огромную стаю чаек с нескольких небольших островов, и с лязгом начал выбирать якорную цепь. А потом, взбив за кормой хороший бурун, шустро пошел вверх по реке.

– Кому удача, а кому хрен на сдачу. – Один из вооруженных мужиков зло сплюнул за борт.

– Не плюй за борт! В следующий раз сам туда отправишься. Остудиться! – прорычал рулевой.

Как я заметил, уходящий ладный кораблик не вселил в души этих людей радости, скорее – ярость и бессилие. Впрочем, откуда я знаю, как сам стану реагировать на такие вещи хотя бы через полгода, если, конечно, доживу.

– Оружие собрать можно? – поинтересовался один из пассажиров, седой, сухой мужик под полтинник или слегка

за него.

– На берегу, как только сойдешь с яла – можешь собирать и заряжать, – ответил рулевой, глядя вперед, на приближающийся причал.

А я разглядывал исподтишка здешних старожилов. И заметил одну интересную особенность: если шляпы через одного примерно такие же, как и у нас, то шинелей именно таких нет. Есть перешитые из них бушлаты, есть добротные куртки, рулевой вообще во что-то вроде длинного пиджака одет, вспомнил, сюртук называется. Плюс еще рубаха-косоворотка из плотной синей ткани, жилетка серая, надо же, даже цепочка от часов через живот, из кармана в карман жилетки протянута. В начищенные до блеска, собранные в гармошку сапоги штаны заправил. Купчина прямо-таки. Даже вместо широкополой шляпы котелок нацепил, реконструктор хренов. Только добротный кожаный ремень с кобурой, из которой выглядывает рукоять револьвера, из канонического образа выбивается. Хотя в той же Сибири купцы в девятнадцатом веке так караваны водили, и на Диком Западе такой наряд никого бы не удивил.

Шлюпка аккуратно подошла к берегу, парни на веслах вовремя поставили их торчком, чтобы не повредить о причал, и лодка еле ткнулась в пеньковые кранцы на свободном участке. Тут же с борта в четыре руки гребцы ухватились за выступающий торец пирса, а рулевой умело перескочил на берег, сначала быстро привязав лодку за кормовой кнехт,

а потом и за носовой.

– Все, приехали. Вон там вас шериф ждет, растолкует, что да как в нашем поселке делается. – Купчина повел подбородам в сторону второй партии новичков, сейчас стоящих возле какого-то щита, вроде как с объявлениями, и высокого сухопарого мужика, держащего винтовку на сгибе руки. – И это... Не шутите, адвокатов здесь нет. Топайте давайте, нечего на пирсе торчать, нам своих хлопот хватает.

В свою очередь выбравшись из шлюпки на берег, я наперво собрал «ежика», воткнул в казенник снаряженный картечью патрон и повесил ружье на плечо. Так мне как-то спокойней будет. Впрочем, я такой был не один, все мои соседи по шлюпке собирали оружие. Как я заметил, ничего супернавороченного здесь не было. Три курковые горизонталки, пара просто ружей со стволами, спаренными в горизонтальной плоскости, какая-то вертикалка, две простеньких, но абсолютно новых одностволки-бескурковки, реплики Иж-18, точнее, сейчас «эмпи». От «Механический завод» по-английски, ижевчане уже несколько столетий на внутренний российский рынок не особо ориентируются. Нарезного оружия ни у кого не было, если не считать одного исключения. У «ботаника» оказалась очень занятная штукавина, капсюльный новодел, итальянская винтовка Педерсоли. Тот крутил ее в руках, явно не понимая, что с ней делать. Интересно, вроде как все ссыльные, но у всех разное оружие. По-

хоже, про армейский принцип «пусть безобразно, зато единообразно» тут или не слышали, или его напрочь игнорировали.

– Чего пыхтишь? – Не то что я очень добрый, но такой ружбай давненько в руках хотел покрутить. А потому забрал его у очкарика. – Патроны где?

– Наверное, это? – Парень протянул мне бумажный сверток.

– Это, это, – вытаскивая шомпол, пробормотал я.

Нащупав в упаковке над пулей капсюль, я аккуратно надорвал бумагу, вытащил сам пистон, тяжеленную свинцовую пулю. Засыпал порох в ствол ружья, затолкал туда скомканную провощенную бумагу, забил как следует шомполом, с натугой вставил пулю и тоже шомполом загнал ее на бумажный пыж. Потом, взведя массивный курок, надел капсюль на брандтрубку и, придерживая пальцем, аккуратно спустил курок.

– Держи фузею. – Я вернул добротную сделанную вещь хозяину. – Только не застрели никого. Случайно.

– Спасибо. – Очкарик забрал ружбай и неуклюже повесил его себе на плечо.

Хипстер какой-то. Повесил стволом вниз, но, прямо скажем, я ему в няньки не нанимался, если что себе отстрелит – его печаль. У меня своих хлопот полон рот.

И потому я неторопливо пошел к собирающейся вокруг местного шерифа толпе новичков, краем глаза заметив, что

пара тех уроков, которые вышли за мной, с интересом поглядывают на очкарика и о чем-то негромко переговариваются.

– Так, для тех, кто только подошел, повторяю. Законов у нас в Щучьем всего три. Не кради, отдавай долги в срок, и виновен тот, кто первый поднял ствол. Правила проживания здесь можете прочитать на доске, но они обязательны для всех, кто сейчас в поселке. Без исключений. Да, и если за нарушение правил у нас штрафы, то за нарушение законов – виселица. Ясно?

И шериф, высокий мужик с ровно остриженной бородой, повернулся и ушел. Спокойно так. Впрочем, чего бы ему не быть спокойным и не носить сейчас винтарь на локтевом сгибе.

Неподалеку от нас, метрах в шестидесяти, стояли шесть парней с винтовками, вроде как мосинками. И спокойно глядели в нашу сторону, положив винтовки на груженные дровами дроги. Группа моральной поддержки, не иначе. И шериф, сволочь, стоял грамотно, директрисы не перекрывая.

Новички стояли кто кучками, а кто и уже шел в поселок, раскинувшийся на берегу. Я тоже двинулся по пыльной грунтовке, ориентируясь на запах. В воздухе стоял запах горячей еды, вроде как тушеной картошки с мясом. Но остановился возле доски объявлений и вчитался в написанный от руки текст.

Интересные пироги у них здесь. В поселке, оказывается, запрещено бродяжничество. И под этим понимаются прием

пищи на улице, в переулках, за задних дворах, в конюшнях, сараях и амбарах, тебе не принадлежащих. Там же дневной и ночной сон, отправление естественных надобностей вне туалетов и пара еще таких же заморочек. Интересно девки пляшут. И штрафы за нарушение внушают – от полусотни до ста кредитов, немало.

Все внимательно прочитав, я протолкался через мужиков и пошел дальше по запаху. Честно, есть охота, завтрак из быстрофуда оставлю про запас, по такой погоде он неделю не испортится. А пока вот веранда, на которой стоят столы и пара котлов под навесом. У одного из них орудует большой шумовкой седой мужик в тубетейке. Причем не в татарской, а или в узбекской, или в таджикской, не умею я их различать.

– Здравствуйте, у вас покормиться можно? – Я зашел на веранду и огляделся. Чистенько, аккуратно, столы хоть и не крыты скатертями, но выскоблены, на каждом солонка с крупной серой солью.

– Конечно, садись, дорогой, – с легким восточным акцентом сказал мужик и указал на столы. – Выбирай, какой тебе больше нравится. Все пока свободны.

Ну-ну. Я еще разок оглядел веранду и вспомнил, что в вестернах всякие недоверчивые люди садились спиной к стене и лицом к двери или окнам. И потому уселся спиной к толстым бревнам, из которых сама столовка выложена. Прислонил к ним ружье, поставил на пол свой рюкзак и достал из него пичок. Повешу на пояс – как я обратил внимание,

здесь без револьверов народ ходит, но без ножа ни одного не видал. Как я разглядел, повар заметил это, но промолчал. Да и я не очень хотел разговаривать, настроение и так ниже плинтуса. Прямо скажем, довольно поганое настроение.

Передо мной поставили глубокую фаянсовую миску с густым мясным супом, заправленным пшенной крупой, на середку стола берестяную хлебницу с грубо, крупными кусками нарезанным хлебом. Сероватым, но очень ароматным. Когда я заканчивал суп, повар принес еще одну чашку, поменьше, с тушеной картошкой. Правда, мяса в этой картошке было больше, чем самой картошки.

Наевшись и напившись чаю, судя по всему из корней шиповника и душицы, я полез в карман, обращаясь к азиату. Что интересно, судя по всему, я один был таким голодным, никто, кроме меня, в эту столовку не зашел. Впрочем, дальше по улице было заведение с намного более привлекательной вывеской, зовущей не просто поесть, но еще и выпить.

– Спасибо, очень вкусно. Сколько с меня? – Я откинулся на прохладные бревна. От души наелся.

Повар неторопливо вышел из-за угла веранды, снимая белый фартук, под которым была кобура с револьвером. Из распахнувшейся двери вышли двое здоровых парней, один с похожей на бейсбольную битую дубинкой, второй с дробовиком.

– Пятнадцать кредитов, дорогой, – усмехаясь в тонкие усы и сощурился и так не слишком большие глаза, сказал азиат.

– Хорошая цена. – Я оглянулся. – Не знаю почему, не помню, но мне кажется, что на эти деньги по крайней мере несколько дней можно досыта есть.

– Хорошая, – ласково улыбнулся повар. – Главное, ты все скушал и теперь должен мне за обед.

Да-да, я помню ту заяву, что шериф на пирсе толкнул. Поглядев на сжимающего в ручищах короткую двудулку вышибалу, или кого там, я полез в карман и вытащил из него деньги. Отсчитав пятнадцать, положил сверху еще один кредит.

– А это что? – Узбек, почему-то я теперь почти не сомневался в этом, положил в карман три пятерки и крутил в пальцах кредитку.

– Чаевые. Кормите вкусно, может, ответите на несколько вопросов? – Раз уж такая пьянка пошла, нужно попытаться выяснить хоть что-то.

– Вах. Для хорошего, вежливого и неглупого человека почему бы и нет? – Азиат уселся напротив меня и облокотился подбородком на сплетенные пальцы рук. – Пять вопросов – пять ответов.

– Сколько стоит ночевка в гостинице? Сколько стоит сходить в здешний туалет? – Для начала я решил узнать наиболее сейчас важные для меня моменты.

– Ночевка от двадцати до тридцати, сходить в туалет – тебе, как посетителю, бесплатно. А так, в уличный – пять кредитов. Два вопроса – два ответа.

– Когда стоит ждать корабль отсюда в нормальный город?

И там такие же цены? Сколько стоит билет на корабль? – Я допил чай и поставил кружку на стол.

– Должен через неделю плюс-минус один день подойти буксир с шаландами. Цены в остальных городах намного ниже. Но на этот рейс цена сотня кредитов. Пять вопросов – пять ответов. Мы в расчете, мужик. – И узбек встал.

Но я положил на стол еще одну кредитку.

– Еще один вопрос. Эти птицы, рыбы – их можно есть? – Не дает мне покоя просто офигеть какая схожесть здешних мест с земными.

– Да, – кивнул азиат. – Любое мясо здешней живности съедобно. С грибами и ягодами по-всякому – какие съедобны, а от каких ноги протянешь. Почему – не спрашивай, даже за миллион не отвечу. Никто не знает. А те, кто знают, – до них не добраться. Так что прими как данность. – И хозяин этой забегаловки ушел.

А я сидел с отвалившейся челюстью – ну ни хрена себе новость! Раз съедобны для нас, то это один с нами цикл развития, потому что на других планетах растения и живность для людей в лучшем случае бесполезны. А в большинстве – ядовиты. Но, как посоветовал узбек, в конце концов я принял эту инфу к сведению, раз съедобны – то тем хуже для них. А потому встал и я, спросив у парня с дубиной, где здесь туалет. Раз можно воспользоваться – нужно это сделать.

А потом, выйдя с заднего двора этой таверны, решил пройтись по поселку и подумать. Если получится, то хорошенько подумать. Благо есть где присесть, чтобы на ногах не торчать.

Похоже, здесь четко работает схема по выжиманию из новичков денег. И все эти поселковые законы под нее заточены. Хочешь поесть? Пожалуйста, есть салун, таверны. Дорого? Извини, парень, бродяжничество у нас запрещено, или ешь в них, или не ешь вообще. Хочешь спать? Тоже пожалуйста, снимай номер и спи. Дорого? Так у тебя деньги есть – или плати за номер, или плати штраф. То же самое с оправиться – ты же не тварь бессловесная-бездушная. Это кошка-собачка ничего не понимают, а ты читать умеешь, шериф тебя предупреждал. То есть за неделю здешней жизни минимум сто пятьдесят кредитов здесь останется. И это в лучшем случае, я совсем не удивлюсь, если здесь люди пропадают в трактирах-тавернах. Места лихие, все сказки-страшилки про древние времена на ум приходят.

А чего тут такого, в том поселке, где я жил, в старые-старые, еще царские, времена «черная верста» стояла как предупреждение о том, что не стоит ночевать здесь купцам. И точно знаю, что сосед при строительстве откопал около тридцати скелетов во дворе. Давненько было, еще во времена моего детства. Аккуратненьких таких, со всеми косточками, только висок проломлен у всех одинаково. К нему даже участковый в конце ездить перестал: скелеты конца де-

вятнадцатого века, археологов не интересуют из-за полного отсутствия вещей, полицию – из-за срока давности. Сашка с попом вдрызг переругался из-за его отказа выделять место на кладбище для захоронения. Специально в епископат ездил, чтобы разрешили похоронить, так как ящики с костями во дворе держать совсем не дело и выбрасывать их на помойку тоже не стоит. В конце концов к нему из города какой-то монах на флаере прилетел, загрузил в багажник две здоровые коробки с останками и умотал. Но сначала долго ходил по двору, читал молитвы и святой водой во все углы брызгал.

До Сашкиного отца, точнее, до той бабушки, у которой они этот дом купили, пустое это место было. Но люди все время строят новые поселки, вот и тут на пустыре разбили новый. Километрах в пяти от разросшегося когда-то небольшого села. Повзрослевший Сашка у отца половину двора забрал, когда строиться начал. И полезли из-под земли приветы из прошлого.

Так что у меня нет ни малейших сомнений в том, что при первой возможности здешние просто кончат новичков. Или в такую кабалу загонят, что замаешься расплачиваться. И вся моя подготовка ничего здесь не решает. Во-первых, давно из-за ареста, суда и прочей лабуды активно не тренировался. Во-вторых, ограничения поражающей мощности оружия – это не импульсники и не лазерные пушки, а простой однозарядный дробовик. С ним много не навоеешь.

И что это все значит? Значит, что не стоит ждать буксира

с баржами, про которые этот джамшуд говорил. То ли они будут. То ли нет. А нужно идти пехом, только хорошо бы узнать куда. Здесь сейчас осень, причем осень сытая. Это хорошо видно: лес рядом, разноголосье птичье и мелкозвериное в ушах звенит. Значит, тот же медведь сыт и на человека оружного не полезет. Наверное. По крайней мере, мне там шансы кажутся намного выше, чем в этом Щучьем.

Перебивая треньканье пианино, грохнул выстрел. Пара мужиков, закатывающая бочки на здоровенные дроги, даже особо не дернулась, подтвердив мои опасения. Стреляют тут часто, похоже. И наверняка не в потолок.

Потому я встал с бревна и пошел к «Лавке универсальных товаров». Погляжу, почем здесь что, нужно прицениться. Идти пришлось вдоль домов, по настеленным прямо на землю доскам – на улице-то грязища, потом сапоги замаюсь отмывать. А дома стояли часто, и дома – не как в русской глубинке, а как будто на Диком Западе, обшитые доской внахлест, на каркасе, похоже. Первый этаж чаще всего какая-то контора, склад, мастерская, второй – жилой. Люди ходят по улице, и взгляд у них при виде моей шинели такой – то ли приценивающийся, то ли прицеливающийся. И женщин, кстати, совсем нет. Ни одной не встретил. Блин, если так, то это очень хреново.

Проходя мимо глухого, темного прохода между домами, я случайно стал свидетелем занимательного разговора.

– Да ладно, очкарик. Ты же толерантен вроде так? Значит,

ты пидор. Подумаешь. Ну отсосешь или в задницу дашь, какая тебе разница? – и хохот.

Невольно замедлив шаг и оглянувшись, я увидел, как двое тех молодых, с нашей шлюпки, практически зажали в угол того самого ботаника и неторопливо приближаются к нему, держа свои МР-18 в руках. У очкарика, кстати, фузея тоже в руках, но он очень напуган, белый вон, как стенка. Тут уже давно надо было бить насмерть, а он испуганно отнекивается.

Тут этот ботан заметил меня. Блин, ну чего я тут на этот цирк засмотрелся?

– Помогите! – срывающимся голосом, прямо ангельским, попросил он.

Блин, если бы я точно не знал, что сюда чтобы попасть, нужно что-нибудь очень такое совершить, может, и помог бы, но я только хотел пройти мимо, как один из этих гопников заорал на меня:

– Какого дьявола стоишь? Уматывай! – И слегка повернулся в мою сторону, отведя ружье от ботана.

Да и второй отвлекся ненадолго. И этот очкарик решил действовать, попытавшись взвести курок своего ружья. Но сложно это с непривычки. Обернувшись урка решил не рисковать и выстрелил ему в живот. А я вскинул своего «ежика», взводя курок, и выстрелил в немного замешкавшегося с предохранителем второго. Сноп картечи на расстоянии в десять метров очень узок, его еще «стаканом» назы-

вают. Он достаточно толстое деревце срубить может. Огнестрельное оружие, может, и устарело, но все едино достаточно мощное. И потому от молодого урки отделилась верхушка черепа вместе с мозгами, забрызгав глухую стену какого-то здания. Да еще картечь здорово стену расщепила. Пара досок на выброс.

Все это я увидел, переламывая свою одностволочку и выбрасывая стреляную гильзу прямо себе под ноги. Потом патрон из кармана в патронник, закрыть ружье и взвести курок. Прямо скажем, это можно сделать очень быстро, секунд за пять-шесть. Но какими длинными мне показались эти секунды.

Второй урка все еще пытался переломить свое ружье и вытащить стреляную гильзу, как я уже взял его на мушку. Вообще, МР-18 отличное ружье, но вот его отделка, точнее, отделка ружей, продаваемых простому народу, как я слышал от любителей огнестрела, – ниже плинтуса. Нужно провести немало времени с надфилем, чтобы довести ружье до нормального, рабочего состояния.

– Брось ружье. Убью! – Взяв на мушку оставшегося в живых урку, я прислушался.

Ну вот, сзади слышен гул голосов и топот с чавканьем. Видимо, именно здесь стреляли нечасто.

Пахло сгоревшим нитропорохом. Два легких облачка дыма быстро рассеялись в сумраке проулка. Чавкнув грязью под ногами, я отошел в сторону, чтобы набежавший люд смог

держат на мушке молодого уркагана. Не понравился мне его взгляд, брошенный на валяющееся около его безголового подельника ружье. Как бы не подхватил его в суматохе, которая точно будет.

– Ну, ты, опусти ружье! А ты – стой, где стоишь, и руки не опускай! – А вот и притопали здешние жители. Сзади минимум пятеро-шестеро, если судить по чавканью грязи, голосам и сбитому дыханию.

Аккуратно опустив «ежика», я повернул голову. Точно, пять мужиков. Видимо, работяги. Хотя нет, один, похоже, парикмахер. Вон расческа торчит из кармана и ножницы, в специальном таком крепеже. Но двудулку держит уверенно и выщеливает как раз урку. Меня на мушке держат двое пожилых мужиков, направив в спину два револьвера. Блин, если честно, то мне это не нравится совсем.

– Да этот козел!.. – Молодой решил было подать голос, но выстрел из револьвера ему под ноги заставил его подпрыгнуть и замолчать.

– Молчать, оба. Сейчас придет шериф и разберется. Стас, погляди, что с остальными!

Это еще один работяга. С жилистыми руками, будто из корней сплетенными. В руках у него интересная штука – как раз та самая мосинка и есть, и даже штык сбоку поблескивает. Это вроде как карабин образца тысяча девятьсот сорок четвертого года. Седая древность, антиквариат.

– Готовы, Михалыч. Оба наповал.

Один из молодых работяг сходил вдоль стеночки к лежащим на грязной земле телам и коротко ткнул их топорищем. Он один-единственный не был вооружен огнестрелом, только плотницкий топор в руках. Впрочем, никогда топора не недооценивал. Сам в юные годы наловчился метать топор на десяток шагов настолько уверенно, что из десятка раз десяток попадал туда, куда хотел, и втыкался топор так, что вытаскивался с трудом.

Из-за спины послышался топот лошадиных копыт, фыркание и скрип телеги. Точнее, брички, на которой приехал здешний шериф. Качнув бричку на рессорах, он тяжело слез с нее и неторопливо, аккуратно обходя лужи, вошел в проулок.

– Что здесь, Михалыч? Опять новички? – так же неторопливо обратился он к пожилому с винтовкой.

– Да. Слышим – выстрелы, мы сюда. Подбегаем – этот мужик держит того борзого на мушке, на земле два холодных валяются. Ничего необычного в принципе.

– М-да, необычного точно нет ничего. – Шериф хмыкнул и повернулся ко мне, коротко глянув на торчащую из грязи пустую гильзу и на одностволочку, которую я опустил и держал одной рукой, стволом вниз. Точнее, на взведенный курок ружья. – Что тут было, мужик?

– Шел мимо. Проходя, услышал, как этот и тот, без полбашки, пытаются опустить очкарика. Очкарик, увидев меня, попросил помочь. Эти повернулись ко мне, наставив ружья

и угрожая убить, если не свалю. Очкарик в этот момент попытался взвести курок своей фузеи, но не успел: этот выстрелил ему в живот. Я убил второго борзого и успел перезарядиться, пока живой борзый корячился со своей «муркой». Потом взял его на мушку и ждал власти. – Что было, то я и рассказал, мне придумывать нечего.

– Почему не грохнул второго? – поинтересовался шериф.

– Это ваш дом, я в чужой монастырь со своим уставом не лезу, – коротко ответил я, не покривив душой.

– Так, а ты что скажешь? – шериф повернулся к молчащему до этих пор урке.

Из яростного потока фени и мата я сумел выделить, что это я убил обоих – и очкарика, и второго урку, которым первый был другом и братом.

– Что скажешь? Ведь кто-то из вас врет? – спокойно повернулся ко мне шериф.

– Сколько выстрелов вы слышали? – поинтересовался я у мужиков.

– Два, – ответил старший, а остальные кивнули.

– Я стрелял один раз, вон гильза лежит. Второй раз выстрелило ружье этого парня, – кивнул я на лежащую в грязи недооткрытую одностволку. – Раз я стрелял один раз – значит, врет он.

– Угу, – подняв ружье и с усилием переломив ствол, буркнул шериф.

Вытащил из ружья патрон, что меня добило – папковый,

то есть в картонной гильзе, – понюхал его и отбросил в сторону. Подойдя ко мне, он протянул руку к моему «ежику», забрал у меня ружье, спустил курок, переломил и вытащил патрон. Поглядел на него, опять вставил в ружье, вернул его мне. Кивнул своим двум молчаливым и здоровущим помощникам, указав подбородком на урку. Те мигом его скрутили, борзой даже пискнуть толком не успел. Шериф подошел к ним, коротко охлопал парня, вытащил у него из кармана деньги, отсчитал какую-то часть, сунул себе в карман, остаток бросил на валяющийся рюкзак. Туда же лег ремень с ножом в ножнах. Урка попытался что-то вякнуть, но был заткнут жестоким ударом в солнечное сплетение.

– Я ж тебе лично, вместе с остальными, про наши законы рассказывал, – приподняв скрючившегося и задыхающегося парня за подбородок, спросил шериф. – Рассказывал? Тащите его к виселице, ребята. А ты, Михалыч, иди позвони, будь другом, лады? – И шериф подошел ко мне. – Так, значит. Ты помог городу, задержал нарушителя нашего закона. Из его денег я забрал полста долларов на похороны, остальные твои. Тот кадр, которого ты убил, – его вещи тоже твои. Парень, которого убили эти двое, – выходит, ты, как отомстивший, его наследник. Так что его вещи тоже твои. Но похороны обоих на тебе. Хочешь – нанимай телегу, копай могилы сам, но лучше отдай по полсотне из денег этих парней гробовщику, он и похоронит сам. Зачем тебе лишние хлопоты, верно? И если деньги в крови, ничего страшного. Вон в бочке замой,

и все. Деньги тут хорошие, можно перестирать с одеждой, они не выцветут. А вот и Аарон Моисеевич, наш похоронных дел мастер. – Шериф поздоровался за руку с мощным, налитым силой мужчиной в добротном костюме-тройке, штаны которого были заправлены в высокие черные сапоги.

Относительно недалеко часто и звонко ударили в какую-то железяку.

– О, а вот и звонят. Ладно, Аарон, и ты, как тебя? Впрочем, не суть. Короче, вы остаетесь, а у нас важное дело. Нужно осуществить законность и повесить негодяя.

Усмехающийся шериф с компанией ушел, оставив меня с отвисшей челюстью. Не, я понимаю, закон бывает разный, и закон Линча тоже закон, но здесь... Охренеть.

– Чего стоишь? Хоронить сам будешь или как? – Гробощик длинной палкой счистил с сапога налипшую грязь. Поглядел на меня, усмехнулся так печально. – Привыкай, парень. Здесь все просто. Нарушил и попался – лезь в петлю. Тюрем здесь нет, адвокатов как класса тоже нет. Больше скажу – попади сюда прокурор и адвокат, так шансов уцелеть у прокурора больше. Еще раз и сначала – хоронить сам будешь?

– Э-э-э... – умно проблеял я. – Давайте сначала с финансами прикинем, хватит ли у меня на оплату ваших услуг.

И шагнул к рюкзаку, на который шериф бросил тонкую пачку купюр. Подняв и пересчитав, понял, что уркам с финансами намного более туго пришлось, чем мне. Осталось

пятьдесят кредиток и десять пятерок. Шериф точно полтинник забрал, потратить они вряд ли успели, выглядывая очкарика, – выходит, что по крайней мере одному всего полторы сотни досталось. Глянув на второго, почти безголового, и сглотив ком в горле, я шагнул к телу очкарика. И понял, что немногим выиграл. Парень после выстрела упал на бок и больше не шевелился. Впрочем, ему это и сделать было бы трудновато. Похоже, в «мурке» патрон был с пулей. Крохотное опаленное отверстие только спереди было слегка окровавленным, зато сзади, как раз под рюкзаком, была здоровенная дыра, где сквозь лохмотья плоти и шинели торчали белые куски позвоночника и какие-то сизые потроха. Кровищи натекло на землю – ужас. Да и рюкзак пропитало. И запах стоял еще тот. Блин, все же современное оружие намного чище. Прожженные обуглившиеся дыры, и все, никаких крови и грязи. Правда, попал я разок в космосе на разгерметизированный корабль, тоже видок еще тот был. Ладно, делать нечего, я перерезал лямки рюкзака и, сняв его, опрокинул пока еще податливое тело очкарика на спину.

– Извини, парень. Помочь я тебе не помог, да и даже отомстить не пытался. Хотел выжить. Но уж так вышло, что я твой наследник... – бросая рюкзак очкарика к стене, где почище, пробурчал я про себя и ощупал нагрудные карманы, благо там крови вообще не было.

Во внутреннем левом нашел пакет с деньгами. Открыв его, присвистнул. Очкарик был солидно богаче меня, у него

в конверте лежали десятки, которых я целых шестьдесят штук насчитал. Похоже, он тоже ими не пользовался. В карманах штанов ничего, кроме чистого и простого носового платка, не было. Сложив его, я засунул платок в задний карман своих брюк. Мне без сопливчика трудновато обходиться. Так что и эта часть наследства в строку.

Больше ничего особого у ботаника не было, разве серебряный крестик вывалился из-за ворота. Но я его аккуратно заправил обратно – похоже, это единственное, что осталось у парня. Что интересно, он ни запасных патронов в карман не положил, ни ножа на пояс не повесил. Интересно, есть ли у него нож вообще?

С уркой было с одной стороны проще, с другой сложнее. Его рюкзак лежал у стены напротив, примерно там же, где был и рюкзак второго. В кармане шинели я нашел пяток патронов двенадцатого калибра, с крупной дробью и пулями. С пояса снял нож, такой же, как и у второго, из какой-то китайской колонии, «умри от зависти, полковник Боуи». Огромный тесак из какой-то вроде нержавеющей стали, с латунной гардой и рукоятью из дерева. А вот деньги нашлись в кармане брюк, причем обмоченных. Видимо, сфинктеры расслабились, и напрудил под себя. И деньги тоже промокли. Кстати, тоже полторы сотни кредитов. Брезгливо прополоскав купюры в бочке с дождевой водой, я передал полтинник однушками и полтинник пятерками еврею.

Тот усмехнулся и повернулся к подъехавшей телеге с дву-

мя крепкими парнями. Те спокойно, без излишних эмоций завернули тела и жертвы, и насильника в запятнанный брезент и уложили на телегу. Лошадь было фыркнула и нервно переступила, учуяв свежую кровь, но ей под нос сунули яблоко, и она быстро успокоилась.

– Что на могилках написать? И по какому обряду хоронить? – вытащив из кармана простой блокнот и огрызок карандаша, спросил Аарон Моисеевич.

– Не знаю, наверное, по православному. Обоих. А написать? – Я нагнулся и поднял очки с треснувшим стеклом. Передал их еврею. – На могиле этого парня напишите «Очкарик» и на крест очки повесьте. А на могиле второго ничего не надо. Я его не трогал, просто шел мимо, сам на меня напал.

– Ладно, нам тогда пора. Скоро еще одного клиента привезут, – кивнув в сторону, куда на звон пришло прилично народу, сказал гробовщик. И, усевшись на телегу, он хотел вожжами понукнуть лошадь, но я его остановил.

– Аарон Моисеевич, а как много у вас работы с новичками?

– От десяти до тридцати человек с каждого рейса, парень. – И еврей стегнул лошадь.

М-да. Теперь понятно, почему этим всерьез занялся именно еврей. Не знаю, кто и как, а у меня к евреям отношение как к обычным людям, то есть общенеплохое. При этом большинство моих знакомых евреев (о как, вспом-

нил и несколько соседей, и просто знакомых) – хорошие люди, крепкие профессионалы, приятные соседи. Так вот, если учесть, что еженедельно здешний гробовщик хоронит от десяти до тридцати человек, то доход его конторы составляет от двух до шести тысяч здешних долларов. Очень и очень серьезные деньги.

Покачав головой от этих мыслей, я решил, что идея свалить из Щучьего в ближайшее время – правильная. Но нужно сначала кой-чего купить и узнать, куда вообще идти. Лучше всего купить карту. И кстати, почему-то мне кажется, что такие карты должны продаваться в каждом магазине этих земель.

А пока я вытащил из проулка три вещмешка, два ружья и капсюльную винтовку. Сложив это все на досках тротуара, почесал затылок под шляпой. Потом решительно развязал один из рюкзаков, принадлежащий кому-то из уроков. Благо мешки, точнее, рюкзаки почти пусты, как и у меня. Перекидав в него вещи из пропитанного кровью рюкзака очкарика, я швырнул его в проулок. Конечно, можно отстирать, но просто неохота и нет времени. Кстати, в рюкзаке очкарика оказался отменный кукри златоустовского, земного производства. Да и котелок был не эмалированным, как у меня, а медным, с оловянным покрытием внутри. Правда, кружка и миска тоже простые, эмалированные. Но самое главное – в рюкзаке очкарика была добротная латунная фляга.

Уложен он был, правда, так себе, фляга и котелок были

внизу, мягкие вещи поверх, горб набило парню наверняка. Но так хоть белье кровью не пропиталось, а котелок и латунную флягу я обмыл все в той же бочке, установленной под сливом амбара.

Устроив два трофейных рюкзака на спине, я забросил на плечи ружья, а свое уложил на сгиб локтя. И двинулся от собравшейся метрах в трехстах толпы в сторону все той же лавки. Впрочем, дойдя до торгового заведения, я увидел на двери надпись «Закрыто на время». И потому сгрузил ружья, фузею и рюкзаки на значительно более добротный, сколоченный из толстых досок и приподнятый на столбушках тротуар. Раскрыв рюкзак, в который затолкал все имущество очкарика, я принялся выкладывать его на скамью возле двери. Следом выложил все и из второго рюкзака.

В итоге оказалось, что я стал владельцем кукри, двух китайских больших ножей, трех котелков, трех же чашек и кружек, одной вилки, трех ложек из нержавеющей стали, одного ножа-складыша с достаточно большим лезвием, открывашкой и штопором. Кроме того, было несколько комплектов нательного белья, запасные портянки, три скрутки-пледа. Немного всякой мелочи вроде спичек и ниток-иголок. Плюс дополнительно семьсот кредитов в кармане. Девятнадцать патронов к Педерсоли, сорок семь патронов двенадцатого калибра, пара МР-18 и одна реплика «Энфильда – три линии». Сама реплика просто поражала качеством исполнения, отменная штука. Насколько я помню, такие ружья стоят

очень дорого: сделаны-то они на Земле. Плюс один брючный пояс, который шериф сдернул с урки вместе с ножом.

И, к моей грустной усмешке, в общей сложности семь завтраков из Макдональдса. Вот уж видит око, да зуб неймет. Иметь жратвы минимум на три дня и не иметь права ее съесть в этом долбаном городишке!

Немного подумав, я разложил вещи на две кучи – большую и меньшую. В меньшую лег медный котелок, фляга, еще одна чашка, складыш и кукри, вилка и ложка очкарика, две пары портянок. Вся мелочь. Вся еда. Плюс один плед.

Все патроны, оставшиеся ножи, кружки, чашки, котелки и тряпки сложил в один рюкзак, набив его под завязку. Винтовку и ружья я тоже отложил на продажу.

От виселицы донесся слитный вздох, несколько одобрительных криков и свист. Блин, они бы лучше футбольный чемпионат здесь организовали, а то устроили шоу из казни. Средневековье, блин!

Вскоре оттуда проехало несколько телег и бричек, а попозже и пеший люд появился. Впрочем, я бы не сказал, что довольных зрелищем было много. Нет, кто-то и злобно похохатывал, но большинство было скорее равнодушно-привычным. И это пугало, и пугало здорово. Если для здешних земель повешение обычное зрелище, то это очень суровые земли. Впрочем, не мне об этом рассуждать, я буквально недавно одного убил, а второго фактически отправил танце-

вать в петле. Причем ни разу об этом не жалею, а беспокоюсь только за свою безопасность. Наверное, это нехорошо, но в данный момент для меня кажется наиболее верным.

Вскоре появился и то ли хозяин лавки, то ли приказчик. Высокий парень, с нарукавниками и фартуком поверх светло-серой рубашки, тоже косоворотки. Поглядев на меня, он открыл дверь ключом и приглашающее распахнул ее передо мной.

– Проходите. Вы купить или продать? Давайте помогу, – и подхватил фузею с трофейными одностволками.

– Да и то, и другое. Только с фузеей осторожно, заряжена. – Я вошел, поставил один из рюкзаков на пол и придержал дверь, чтобы он спокойно зашел. – Если сторгуемся, конечно.

И с интересом оглядел тускло освещенную сквозь оконные проемы лавку. Небольшая, примерно четыре на шесть метров, несколько прилавков, на стенах полки во всю длину. Но товары поделены по сортам и видам. Тут продовольствие отдельно, ткани отдельно, скобяные изделия отдельно. Самый край стены занимало оружие.

– А чего не сторгуемся? Для того и торг, чтобы договориться. – Все же хозяин: вряд ли приказчик будет таким уверенным. Он уже снял капсюль с брандтрубки и с огромным удовольствием сейчас осматривал Педерсоли. – Давайте так, за эту винтовку я вам без торга даю мосинку и револьвер сразу и по полсотни патронов для каждого ствола. Только

у меня выбор невелик, сейчас четыре «мосинки» и пять револьверов. И сначала это, остальное потом.

– Угу. – Я пригляделся к ценам на продукты. Блин, килограмм копченого сала кредит стоит. Шпиг еще дешевле, восемьдесят центов. Крупы вообще по десять центов за кило. – Блин, вы что, вот так спокойно продаете продукты всем желающим? И мне, например? Тогда пару кило копченого сала взвесьте и заверните, пожалуйста.

– Стоимость не за килограмм, а за фунт. Древняя мера веса, равна четыремстам восьмидесяти граммам, – поправил меня лавочник, продолжая ласкать реплику. – Здесь у нас все в фунтах, что из продовольствия. Ладно хоть граммы на весах, а не золотники или унции, – уже хорошо. Продам, конечно, какая мне разница. Это ведь тебе здесь, кроме как в таверне или кабаке, есть нельзя.

– Давай винтовки.

У меня от зрелища продуктов слюна потекла. Хоть и не хохол, а копченое сало обожаю. Нужно один аппетит другим перебить.

– Держи. – На прилавок один за другим легли три карабина, два образца сорок четвертого года и один тридцать восьмого. По крайней мере, неотъемного штыка на нем не было, как, впрочем, и самого крепления под штык и выемки с левой стороны ложа, для того чтобы этот штык не мешался. – Стволы-новоделы, под калибр девять и три десятых на пятьдесят три. Армейские калибры нам категорически запреще-

ны, под оружие с нитропорохом. Автоматическое оружие запрещено, полуавтоматическое запрещено, ручное оружие – только револьверы. Причем все револьверы дымнопороховые. У меня, к сожалению, модели остались только одинарного действия, самовзводов сейчас нет.

– Да ну? – Я почти не удивился, а вытащил из ближнего карабина затвор и поглядел сквозь канал ствола в окно. – А почему? И кстати, почему даже на том корабле, который нас сюда привез, нет энергетического оружия?

– Спроси чего полегче, ссыльным этого не говорят. Привезли, оставили – и все. Только через эту хрень глядят и порой забирают тех, у кого срок вышел или под амнистию попал. – Лавочник задрал нарукавник и показал коннектор. – Ну, тех, кто жив остался.

– А здешние хищники – с ними огнестрел как, справляется? – Мне этот вопрос жизненно интересен.

– Поверь, огнестрела вполне достаточно. Все винтари бьют отменно, точно и надежно. Правда, траектория горбата, но что поделать, пуля толстая и тяжелая. Зато с переснаряжением гильз никаких проблем. И порох есть, и капсули, а пули хочешь сам лей, хочешь готовые покупай. Причем в русских землях по популярности конкурентов мосинкам нет. Машинка привычная, надежная, недорогая, накоротке медведя стопорит немногим хуже двенадцатого калибра. – Говоря все это, лавочник продолжал оглаживать фузею. Потом он что-то про себя решил, махнул рукой и вытащил из выдвиж-

ного ящика пяток патронов с латунными гильзами и свинцовыми пулями. – Сейчас попробуешь, только я эту красавицу выстрелом разряжу. Эти выстрелы – бесплатно.

Подойдя к полкам с ружьями и прочим оружием, он с усилием отодвинул тяжелую деревянную створку, за которой оказались окна на улицу. За лавкой домов не было, шел длинный пустырь, где примерно в сотне шагов на мощной перекладине висел черный лист толстого железа. Ближе, метрах в тридцати, стояли два столба, измочаленных пулями.

Негоциант, уложив ружбай на широкий подоконник, взвел курок, надел капсюль. Тщательно приложился и выстрелил. Гонг качнулся и глухо зазвенел, а от окна поплыло облако дыма, впрочем быстро рассеивающееся ветерком. Отошел и сделал приглашающий жест рукой.

А почему бы и не попробовать? Тем более что бесплатно. Так что я вставил в карабин затвор и, взяв патроны, по одному затолкал их в магазин. Вогнав затвор на место, я встал на место лавочника и прицелился в гонг. Карабин лягнул в плечо весьма ощутимо, но вполне терпимо. На мгновение дым застил видимость, но практически сразу все прояснилось. Гонг, гудя, покачивался, и на черной краске стало на одну метку больше. Блин, а здорово! Попал фактически туда, куда и целил. Ну-ка, еще разок!

Четвертый и пятый патрон я отстрелял по верхушкам столбов. Пули взлохматили древесину, от столбов полетели щепки. Нет, отменная вещь все-таки!

– Ну как? – довольно, будто бы он изобрел и сделал этот карабин, спросил лавочник.

– Хорошая вещь. – Я положил карабин возле себя. – А что за револьвер?

– Это чистые американцы, правда, сделаны не на Земле. Вот, выбирай сам, реплики от «Ругер Вакеро» и «Тейлорс». – На прилавок легли четыре револьвера с разной длиной ствола. Негоциант раздвинул их попарно, видимо, по фирмам. – Разницы особой нет, калибр сорок пятый Кольт длинный, пушки мощные, надежные. Те, у которых ствол шесть дюймов, – очень неплохи, из них, ежели умеючи, и на сотню метров стрельнуть успешно можно. Впрочем, и четыре дюйма с четвертью не хуже и даже полегче немного. Стоят одинаково, по полтиннику. Карабин стоит тридцатку.

– А фузея в том мире стоит сотню с лишним, мосинка максимум пятнадцать, такие револьверы по тридцатке. В принципе нормально. Но давай так – ты мне еще карту здешних мест дашь и растолкуешь, где, что и как, идет? – Я крутил в руках револьвер со стволом с четыре дюйма с небольшим и вроде как уже выбрал. Еще бы стрельнуть пару раз не помешало. – Пробный отстрел будет?

– Пяток патронов дам, – кивнул лавочник. Подошел к оружейным полкам, снял картонную коробку, битком набитую поблескивающими боками револьверными патронами, и отсчитал пять штук. – И это, не бойся заряжать барабан полностью, это все же не именно «миротворец», а перепевки. Мо-

жешь спокойно носить и не бояться, что упадет и выстрелит.

Повозившись немного, я снарядил револьвер, который «ругер» с шестидюймовым стволом, парой патронов, а «тейлорс» с коротким – оставшимися тремя. Почему-то мне именно эти пистолеты понравились, просто в руку легли. Продавец понимающе усмехнулся. Ну-ну, смейся. Неожиданно, до рези в руках, захотелось пристрелить продавца, занять оборону в лавке и перестрелять как можно больше жителей этого дерьмового городишки. Хорошо, что я уже отвернулся к окну и лавочник моего лица не видел. Вдохнув-выдохнув, я привел нервы и дыхание в порядок и плавно поднял тяжелый пистоль. Взвел курок и выстрелил, а потом повторил. К моему удивлению, оба раза попал в столб. Откинул дверцу барабана и вытряхнул стреляные гильзы. Как я заметил, лавочник их складывал в отдельную коробочку. Потом я так же отстрелял «тейлорс», и тоже удачно. Конечно, я никуда не спешил и хорошо выцеливал, но все-таки тридцать метров и незнакомое оружие. Качество исполнения револьверов явно было на высоте. Впрочем, то, что они сделаны на окраинных планетах, вовсе не говорит о плохом качестве. Сейчас на Землю везут товар со всей освоенной части Галактики.

– Неплохо, хоть и непривычно. – Я вытряхнул гильзы из «тейлорса», положил его рядышком с длинноствольным «ругером» и мосинкой. – А что в качестве бонуса? Кобуры для револьверов? Погон для карабина и подсумки? И это,

набор для чистки?

– Набор для чистки, погон и подсумки идут в комплекте. А вот кобуру придется покупать, или никакой карты и задушевной беседы. – Усмехнувшись, продавец разложил на прилавке похоже как двухверстку, здоровенный лист которой свесился с не самого узкого стола. – Ну и как? И кстати, что с револьверами? Какой выбрал?

– Похоже, оба. – Отодвинув оставшиеся револьверы, я поглядел на винтовку и свои уже, считай, пистолеты. По идее, если я пойду пехом, то тяжелее тридцати пяти килограммов веса не надо бы. Здесь, с патронами и моим ружьем, уже десяток кил наберется. – За второй заплачу, когда с остальными трофеями разберемся.

– Без проблем, – кивнул лавочник и повернулся к вошедшему покупателю.

Обслужив его достаточно быстро, продав бутылку водки, фунт сала, буханку свежего хлеба и по полфунта квашеной капусты и соленых помидоров, негоциант вновь повернулся ко мне.

– Значит, так. Смотри: живем мы все практически вдоль русла этой немаленькой реки, Великой. Оранжевым цветом обозначены те города и поселки, в которых жить очень опасно. Примерно как в нашем. – Палец негоцианта ткнул в оранжевое пятно на правом берегу в верховьях Великой. – Вот сюда лучше вообще не суйся, это Мутная речка, тут моют золото и заодно режут друг друга. Из всех артелей редко ко-

гда половина старателей возвращается. Несмотря на то что артельщики обязательно нанимают боевиков. Здесь, напротив, сливаются и вливаются в Великую Сохатая и Медвежья, там в основном лесорубы, трапперы ну и бандиты, куда без них. Много охотников за двуногой дичью, там частенько, раз тридцать за сезон, сбрасывают так называемых «выживателей». Ну, людей, которые готовы рискнуть головой за возможность получить достаточно денег для хорошей, безбедной жизни здесь. Это такая лотерея, вроде в том мире многие ставят на то, выживет или не выживет. В Щучьем тоже нечто вроде, но тут, как говорят, просто лотерея, кто выживет и с какими остатками. Лотереи такие, мать их. Простых эков спинавают в Абилин-сити, в одеже попроще, с двумя сотнями кредитов, без рюкзаков, оружия или чего еще. Кстати, шинель, как будет возможность, смени сразу. Выдаст новичка мгновенно. Так, дальше. Видишь, Щучий отгорожен невысоким горным хребтом от долины Медвежьей реки. На самом деле горы невысоки, перевалы проходимы и пешему, и конному. А Гранд-ривер, или Великая, делает нехилую петлю, до дельты Медвежьей выходит около четырехсот верст, тогда как напрямую всего чуть больше девяноста. Напрямик, естественно, так-то километров сто минимум протопаешь. Но эти места на самом деле малохожены и достаточно опасны. Зверья много, правда, зверь уже пуган.

– А лодку здесь купить можно? – Вниз по течению сплавляться намного проще, чем топать пехом, право слово.

– Нет, – покачал головой лавочник. – Тебе никто не продаст. Для своих сделают за сезон, а новичкам лодок не продают. Пытаться угнать тоже не советую – из принципа будет погоня, найдут и торжественно утопят. Дальше, по карте. Чем ниже, тем жить легче, там и города вполне нормальные, даже женщин много, а то у нас в борделе и то половина геев молодых, из новичков опущенных. Ниже городов уже травяные равнины, на которых пасут стада коров, мясных в основном. Но в последнее время и молочных разводить стали, молоко отсюда, как говорят, минимум в два раза дороже в том мире стоит, и мясо тоже. Экология, понимаешь, все чистенькое. Начали пшеницу, просо и кукурузу сеять, но пока больше для себя. Так что сумеешь отсюда, из Щучьего, вырваться целым – вполне проживешь.

– Звучит обнадеживающе. – Я рассматривал карту. – Много здесь народу?

– Уже немало. Конечно, много живет очень недолго и умирает мучительно, но все больше и больше людей живет здесь. Даже дети рождаются начали. Женщин, правда, пока маловато, но с каждым месяцем все больше и больше. По словам девок, ловят из молодежных банд в нижних городах Земли и сюда отправляют. С окраинных планет также. Практически без суда, удивительно даже. Впрочем, сам знаешь, почти в каждой банде убийцы, а остальные – как получается, соучастники. Так что жить можно. Но совет, бесплатный. Береги себя. Медицина здесь очень редкая и недешевая. Ан-

антибиотики только у того врача купишь, у которого лицензия с той стороны. Хирургия здесь примерно как в девятнадцатом веке, наркоз эфиром, приборов, считай, нет, даже рентгенаппараты есть в русских городах только в Тобольске и Красноярске, еще в паре американских и европейских городов. В поселках вроде нашего – хорошо если есть фельдшер. Так что осторожность и осторожность. Здоровье здесь самое главное. Зубы чисть, руки мой и прочее. Заболеешь – точно рад этому не будешь. Ну, в принципе – все, – аккуратно сворачивая карту и передавая ее мне, сказал продавец. Поглядел на прислоненные к прилавку ружья урок, на пухлый рюкзак. – Ну что там у тебя еще?

В конце концов я договорился, что ружья уйдут в оплату за второй револьвер, продал ему белье, чашки и те здоровенные тесаки, которые взял в трофеях. Кукри тоже продал, точнее, обменял на офицерский планшет, карманные часы и компас. За все остальное взял хороший топор в кожаном чехле на лезвии, малую саперную лопатку в брезентовом чехле, еще одну флягу, реплику советской армейской, алюминиевую. Что, по словам продавца, именно здесь редкость: люменей сюда не часто попадает. Взял пару веревок и моток кипной ленты. Также взял офицерский же ремень, пару кобур для револьверов. Все кожаное, сделано по чертежам двадцатого века, с ума сойти. Купил стеклопластиковый спиннинг-хлыст с инерционной катушкой, короткий, с метр длиной, да еще разборный. Легко в боковой карман моего

рюкзака поместился. Пяток простых латунных блесен, десяток крючков и запасной моток лески. Хотел взять чайник, но передумал: пары котелков мне за глаза хватит. За это я уже заплатил, по десятке за каждую кобуру, ремень и спиннинг с блеснами и леской.

Плюс обменял один из пледов на слегка использованную плащ-палатку, простую, брезентовую. Бинты из плотной марли, йод, аспирин, который, как оказалось, здесь все же продавался. Пару больших кусков серого мыла, «товарищества Ивакина», кто бы он ни был. Плюс купил еще полста патронов для револьверов и столько же для винтовки, доведя общее количество боеприпасов до сотни каждого нарезного калибра. Крупы, пшенная сечка и пшено, по три фунта в прочных пакетах из толстой ткани, два фунта сала, три – вяленой оленины. Два фунта лука-шалот, соль, перец, чай. Пять пачек спичек, разделенных попарно, завернутых в плотный пергамент и уложенных в разные рюкзаки. Одну пачку положил в карман рубашки. Кускового сахара тоже пару фунтов взял, купил и перелил в алюминиевую флягу поллитровку водки. Сухарей взял пшеничных, три фунтовых пакета, фунт изюма. Всего продуктов тоже вышло с десяток килограммов, зато не придется терять времени на охоту или рыбалку, а хватить их должно примерно на две недели. Потом я вспомнил про патроны к ружьям, которые лежали в карманах того из трофейных рюкзаков, который я оставил себе. Достав их, я хотел было и их обменять, но задумался,

глядя на реплику короткой ижевской курковки.

– «Мурка» новенькая. – Лавочник понял мои муки, снял курковку со стены и протянул мне. – Твоего «ижака» я возьму за те же двадцать долларов, доплатишь мне двадцатку. Патроны обменяю один в один, но в пластиковых гильзах. Латуни у меня просто нет.

Я с сожалением положил на стол свою одностволочку, показавшую себя с наилучшей стороны. Блин, как же жаль, но слишком тяжелый груз опасен. Быстро устаешь, можно подвернуть ногу, просто сковывает движения. Но очень жаль. Повытаскивал патроны из патронташа, воткнул на их место двенадцатый калибр. Шестнадцатый же и патроны к фузее отдал продавцу, который обменял эти патроны на двенадцатый. Здесь же, в лавке, с разрешения хозяина я переложил рюкзаки, нацепил на офицерский ремень под сумки со снаряженными обоймами (как оказалось, они лежали в подсумках), вздел кобуру с револьвером-«тейлорсом», который несколько полегче «ругера» и который я решил носить слева, чтобы вытаскивать правой слева направо, так мне удобнее. А «ругер» лег в трофейный рюкзак, с частью патронов и продовольствия. Патронташ с двенадцатым калибром лег туда же, чтобы, если что, легче было достать, оставшиеся патроны двенадцатого калибра сложил в основной рюкзак. В стволы курковки вложил пулевые патроны. Упаковал карту, компас, пару карандашей, блокнот в планшет и положил его в большой карман переднего рюкзака. Поверх шине-

ли нацепил ремень с кобурой и подсумками, поправил и подогнал португею. Надел основной рюкзак, на брюхо надел трофейный, топор сзади-справа за ремень, на шею винтовку. Тяжеловато, но своя ноша не тянет, да и никто мне не мешает делать привалы через каждый час сначала и через полчаса потом, например.

– Ну как, готов? – усмехнулся хозяин лавки. – Тогда ни пуха ни пера.

– К черту, – ответил я, открывая дверь и утыкаясь коленом в морду молодого стаффордширского терьера. Симпатичной сучки, рыжей с белыми грудью, животом и лапами. – И чья это красавица здесь бродит? – усмехаясь, я наклонился и потрепал собаку по холке.

Я всегда понимал, в каком настроении собака, чего хочет, опасна ли она. И никогда не боялся собак. Эта сейчас была в недоумении и каком-то радостном предвкушении. Хвост псины неуверенно мотнулся справа налево и застыл в полупущенном состоянии.

– Это Хромка, – сзади подошел лавочник. – Нет, собака, сегодня я тебе пожрать не принес, иди-ка ты отсюда.

– Твоя, что ль? – Я присел на корточки, прислонил ружье к стене лавки и с разрешения собаки взял ее переднюю правую лапу, жутко изуродованную и искривленную ниже колена. – Что с ней было?

– Да нет, не моя. Она вообще ничья, и лучше бы ей найти хозяина поскорее, иначе шериф пристрелит, если попа-

дется ему на глаза. Она одного новичка, совсем щенком была, когда его убили. Хромка его защищала, цапнула шерифа за ляжку. Галифе ему порвала, кровь пустила. Тот ее минут пять ногами пинал, все думали, убил. Нет, выжила, только лапа плохо срослась. Никто из нас ее брать не хочет: кому охота с шерифом связываться? Чуть подкармливаем, лично я ждал, когда она подрастет и с каким-либо кобелем загуляет. Сука сильная и умная, щенки тоже не должны быть идиотами. Но ее недавно шериф увидел и стал выглядывать. – Лавочник тоже присел рядом и погладил собаку по голове. – Слушай, заberi ты ее. Она, конечно, хроменькая, но умница, да и силушкой ее бог не обидел. Ты пешком, она от тебя точно не отстанет.

Тем временем, видимо что-то для себя решив, собака завалилась набок и подставила мне свое брюхо. При этом широко разинув пасть и вывалив язык в своей собачьей улыбке.

– Давай уж брюхо, почешу. – Я усмехнулся и потискал животину, вызвав приступ яростного энтузиазма, взвизгивания, взбивания хвостом мокрого песка на досках тротуара.

Собака перевернулась, вскочила на ноги и облизала мне лицо, здорово облизавив.

– Ну все, хватит!

От того, что эта зверюга положила мне на плечи передние лапы, я вышел из неустойчивого равновесия на корточках и принял устойчивое на заднице. Короче, шмякнулся на зад, придавленный немалым весом рюкзаков, винтовки

и еще хоть и тощей, но сильной и увесистой собаки. С благодарностью приняв помощь в виде руки лавочника, я встал, отряхивая брюки. Хорошо все-таки, что не пристрелил его!

– Спасибо, – поблагодарил я негоцианта. Поглядел на хоть и прихрамывающую, но весело припрыгивающую вокруг меня собаку. Молчунья, кстати, несколько раз взвизгнула, разок утробно взрыкнула, но не гавкнула. Не люблю пустолаек. И даже таких отличных охотничьих собак, как именно лайки, из-за этого не люблю – гавкают по делу и без него. – А ошейник найдется для этой красавицы? И это, фунт вяленой оленины, пожалуйста. Раз уж я ее взял, то надо накормить. Да-да, тебя. – Я усмехнулся и, нагнувшись, погладил виляющую хвостом со скоростью вертолетного винта псину.

Тощая ты все же для конца осени. Это учитывая, что в лесу тебе мало кто противостоять может, – видимо, просто недостаточно скорости и ловкости, чтобы догнать того же зайчонка, например. Да и птенцы оперились и подросли, уже на крыло встали, так что жила эта псина только подачками.

Надев на собаку ошейник из толстой коричневой кожи с мощной латунной пряжкой, я начал кормить ее с рук вяленой олениной, отрывая тонкие волокна мяса от тонкой и твердой пластины. Хромка ела жадно, но аккуратно, чуть прихватывая зубищами краешек следующей порции и глотая почти не пережевывая.

Вдруг она отодвинулась и глухо зарычала.

– Ты чего, псина? – Впрочем, уже я услышал негромкие

шаги.

– Ах, какая сцена, – сбоку послышался умильный голос.

Обернувшись, я увидел издевательски ухмыляющегося шерифа. Его мать, как он так тихо по дощатому тротуару в сапогах ходит?

– Да, очень сентиментальная, – кивнул я, отмечая, что его леввер все так же лежит на локтевом сгибе левой руки, а правую он держит на шейке ложа, положив большой палец на курок. Лавочник тихо отошел в сторону. – Люблю собак, особенно своих. Вы что-то имеете против?

Блин, моя винтовка стоит рядом с курковкой, вроде как и рядышком, но вот успею ли я ее схватить. Хотя...

– Вы не любите собак, даже таких красивых? – Нагнувшись, я левой рукой погладил голову оскалившейся Хромки. А потом выпрямился, держа в правой вынутый из спрятавшейся под напузным рюкзаком кобуры «тейлорс». – Так это ваше дело, шериф.

– Ты слишком много говоришь, новичок. – Здешний охранитель закона нахмурился, но пока не дергался.

– Я не нарушал ваших законов. Моя собака тоже. Есть на улице нельзя мне, про собак там ни слова не написано.

Я слегка развернулся, держа револьвер прижатым к рюкзаку, а запястье к правому боку. И мой большой палец тоже лежал на курке. Если он только попытается взвести свой мультук – буду стрелять, и будь что будет.

Шериф, увидев револьвер, нахмурился еще сильнее,

но не сильно испугался.

– Здесь я решаю, что закон, а что нет!

– И с этим согласны все жители этого города? Шериф, я сейчас уйду, уйду с собакой. Решай сам. Или ты выполняешь законы, которые вы сами написали, или ты стоишь над законами. Но тогда я все едино уйду или попытаюсь уйти. – У меня пересохло во рту и зазвенело в ушах, а воздух стал удивительно душным.

– Готов умереть за эту блохастую давалку? – Шериф вроде как слегка отступил. Но именно слегка.

– Каждый когда-либо умрет, шериф. Я не хочу сейчас, но она уже друг. – Тоже не нажимать, не давить. Он сам должен иметь возможность разрулить это дело. Я для того про закон и сказал, это слышал лавочник и замерший на противоположном тротуаре мужик с парой бочат на коромысле. – Ты как, готов умереть за друга?

– Ты психованный маньяк, опасный для жителей нашего города. Если ты в течение получаса не покинешь территорию Щучьего – буду стрелять без предупреждения! – Шериф круто развернулся и пошел в сторону салуна.

Вдруг в салуне вроде коротко грохнул выстрел, раз, другой, третий. Из распашных дверей вылетел какой-то мужик, упав в грязь и корчась от боли. В окна вылетел другой, высадив раму со стеклами. Шериф, оглянувшись на нас напоследок, рванул к месту происшествия.

У моей правой ноги глухо и с ненавистью рычала собака. Мощное тело мелко подрагивало, под шкурой гуляли мышцы, того и гляди, собака готова была броситься на шерифа.

– Тихо, тихо, успокойся. – Я взял ее за ошейник, переложив револьвер в левую руку. Блин, неужели колени подрагивают? Вестерн, мать его об стену, чуть в дуэль не попал. Пару раз глубоко вздохнув, я повернулся к лавочнику, с интересом наблюдавшему за мной. – Как отсюда выйти наикратчайшим путем? – Блин, на самом деле надо валить, с шерифа станется не засечь время. И время! – И это, сколько сейчас времени?

Я отпустил ошейник псины, только перешагнув через нее и сжав коленями, потрепал ее по холке. А сам вытащил из нагрудного кармана незаведенные часы. Они так и остались пока в коробочке.

– Двадцать пять минут пятого. – Негоциант вытащил свои, тоже карманные, но в позолоте. – Лучше через ворота, не стоит идти через огороды. Частная собственность, еще пристрелят. Ворота есть за портом и там, за салуном, на юго-западе.

Я поглядел в сторону салуна. Народу возле него собралось уже немало, приехала какая-то колымага, запряженная серой грустной клячей. Нет, туда мы не пойдем. Мне надо на юг, там вроде как ближе, но это слишком очевидно. Пойду мимо порта.

– Ну тогда всего наилучшего.

Заведя часы и поставив стрелки на указанное время, я положил часы в карман и взял свой новый дробан, вложил револьвер в кобуру, накинув петельку на курок. Поднял винтовку, закинул ее за спину, устроив поудобнее.

– Хромка, рядом! – Пожав руку лавочнику, я отпустил собаку и развернулся в сторону порта. – Пойдем отсюда, псина, у нас долгий путь.

Каблуки сапог гулко топали по навесному тротуару в центре поселка, потом с чавканьем вжимали в грязь полусгнившие доски настила. Пройдя мимо проулка, где буквально пару часов назад я вновь убил и где меня едва не убили, я только глянул в него мимоходом. На выбоины в стене какого-то сарая никто не обратил внимания, и слава богу.

– Блин, хлебом как пахнет.

Я притормозил и перешел через грязную улицу к открытому окну пекарни. На накрытой чистой тканью доске стояли большие караваи хлеба, лежали булки.

– Тук-тук, хозяин! – Я постучал по прилавку.

– Щас! Минуту! – Вскоре в окно по пояс высунулся красномордый мужик в переднике, заляпанном тестом. – Чего надо?

– Каравай хлеба и пяток булочек. – Я прикинул и увеличил количество. – Нет, пару караваев и десяток булочек. И если можно, то завернуть в бумагу или пакет какой-либо.

– Кредит с полтиной.

Булочник вытащил из-под прилавка пакет из грубой бу-

маги и начал складывать в него хлеб. Потом еще один такой же, и в него уже пошли булочки.

Получив от меня два кредита, булочник отсчитал мне полтину сдачи и вновь исчез в глубине пекарни.

– Держи, – отломив полбулки, я протянул ее Хромке, а остальной хлеб спрятал в напузный рюкзак. Блин, как бы его слюной не залить: от запаха свежего хлеба, а больше от выпечки – скулы сводит.

Повернув за поворот, я невольно замедлил шаг. Посреди улицы стояла та самая виселица. Ветерок чуть покачивал и медленно поворачивал тело урки. Веревка врезалась в шею, сворачивая голову урки набок. Ноги примерно с полметра недоставали до грязной земли, неподалеку валялся старый бочонок.

Сплюнув через левое плечо, я прошел мимо. Рядом, прихрамывая, гордо шла собака.

Пройдя мимо порта, я вскоре вышел к воротам города. Впрочем, это громко сказано: обычный шлагбаум из толстой жерди, который охраняли два мужика с мосинками.

– Куда идешь? – Один из них грозно выпятил немалое пузо.

– Из города, по приказу шерифа. – Я усмехнулся. – Отворяйте.

– Жирно будет, пролезешь под шлагбаумом. – Второй, худее, сплюнул на землю и облокотился на этот самый шлагбаум. – Еще каждому новичку открывай.

– Да и не надо. – Я, нагнувшись и придерживаясь за жердину, оказался на той стороне. – Hasta la vista¹

---

¹ До свидания (*исп.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.